

Космос
2
ФЕВРА
1973

Костёр

2

ФЕВРАЛЬ

1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР
Начается с 1936 года

А МЫ ЕДЕМ
НА БАЙКАЛ

5

СОЛНЦЕ,
ЗЕМЛЯ
И ВЕЛИКИЙ
АСТРОНОМ

20

Как писал
книжки
дедушка
Пришвина

26

Приключения
трактора

34

Рисуют на обложке
Д. Бекарин

ЕВДОКИМОВЦЫ

С. Рубанов

Оформление В. Толкова

Гряды на Новгородчине — станция маленькая, не на каждой карте ее и найдешь, да и школа небольшая, восьмилетняя. Одно время казалось ребятам, что красным следопытам в родных Грядах делать нечего. Иное дело — Ленинград или, скажем, Новгород. Даже в соседнем поселке Большая Вишера происходили важные события: в годы гражданской войны рабочие организовали коммунистический добровольческий отряд.

А вот в Грядах вроде бы ничего интересного не было. Обычные места, обыкновенная школа. Ребята, правда, узнали, что существует Грядская школа давно, с 1892 года. Ютилась она тогда в коммушке частного дома, и был в ней всего один глобус, да портрет царя, да икона Николая Чудотворца...

В Гряды я приехал в самый разгар учебных занятий. В ожидании звонка хожу по светлomu просторному залу. А вот и знакомая надпись над большой белой дверью: МУЗЕЙ ШКОЛЫ имени ЕВДОКИМОВА. Не такая уж она и давняя, эта над-

пись, но — уже история. История о том, как ребята стали гордиться прошлым своей Грядской школы и еще больше полюбили свой поселок. А началась эта история в апреле 1961 года, в день, который запомнился нам навсегда.

О ТОМ, КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

В тот день шли, как обычно, уроки. Вдруг на стене появился большой плакат: «Ура! Советский человек, майор Юрий Алексеевич Гагарин, в космосе!» Кто из ребят написал это вкрыв и вкось на большом куске старых обоев, так и осталось неизвестным. Да это и неважно. У всех на душе было радостно и празднично. А потом в школу пришла жительница поселка Мария Александровна Грушина.

— Вот! — волнуясь, развернула она газету «Правда», — Гагарин пишет о Николае Евдокимове, а ведь он — мой брат, и учился здесь, в Грядской школе.

Ребята засыпали Марию

Александровну вопросами. И она рассказала, как учился Коля Евдокимов в Грядах, как окончил потом летную школу и стал заслуженным мастером спорта.

— Не забыл Николай Алек-

сандрович и родную школу — приезжал в Гряды, — рассказывала Мария Александровна.

Но почему о нем вспомнил Гагарин? И красные следопыты начали поиск.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

Небольшой спортивный самолет сильно трянуло: воздушная яма. Но вот ключья се-

дого тумана — редкие сегодня облака — остались далеко внизу. Николай Евдокимов привычным жестом проверил застежку кожаного шлема и осторожно вылез на крыло. Несколько мгновений до команды «пошел!». Что он думал тогда?

...Это было время, когда молодая советская страна начала создавать свой воздушный флот. Это были годы, когда сотни и тысячи вчерашних пионеров по призыву ЦК ВЛКСМ шли в летные школы и впервые брались за штурвалы самолетов. И это было время, когда родился советский парашютный спорт. Сегодня белые купола в небе — зрелище интересное, но не удивительное. Кто не знает теперь о советских парашютистах, о их мировых рекордах? Кто не читал, как во времена Великой Отечественной войны отважные разведчики выбрасывались с парашютами над вражеской территорией? В Советской Армии сегодня — целые воздушнодесантные дивизии, с танками, орудиями и ракетными установками. Но это — сегодня. А в то раннее синее утро 16 мая 1932 года Николай Евдокимов решил сделать то, чего не делал до него ни один человек в мире: затажной прыжок. Даже обыч-

Николай Евдокимов

ный прыжок с парашютом тогда казался подвигом, и многие летчики настолько не доверяли парашютам, что отказывались брать их с собой в полет. Николай Евдокимов решил доказать, что затажной прыжок возможен. Возможен и необходим. Необходим потому, что в воздушном бою обычный прыжок враг не даст совершить: он собьет парашютиста

высоко в воздухе. Без затяжных прыжков невозможны и воздушные десанты.

Вслед за Николаем Евдокимовым затажным прыжкам обучились тысячи советских солдат и офицеров. И во время войны они применили это свое умение. Бывшие фашистские генералы в своих воспоминаниях утверждают, что под Москвой советская авиация сбрасывала десантников... без парашютов, прямо в снег! Они до сих пор не могут поверить в то, что советские десантники совершали массовые затажные прыжки.

Теперь-то мы знаем, сколько жизней отважных летчиков и десантников сохранили затажные прыжки! Николай Евдокимов хорошо понимал значение того, что задумал. Но некоторые специалисты возражали ему. За границей нашли и такие, кто считал, что свободное падение человек может выдержать не более пяти секунд. Не более! А если дольше — смерть. Не правда ли, это очень напоминает споры о возможности жить в невесомости, конец которым положил полет Юрия Гагарина. Как Юрий Гагарин стал первым в

космосе, Николай Евдокимов был первым в мире парашютистом, решившимся на затяжной прыжок...

...Первый в истории мира затяжной прыжок Николая Евдокимова длился 15 секунд. За ним последовали другие прыжки. Прыжок с высоты 8 километров — парашют раскрыт на высоте 200 метров — 142 секунды свободного падения! Есть мировой рекорд! За выдающиеся заслуги в развитии парашютизма, за храбрость и мужество, первый в стране заслуженный мастер спорта по парашютизму Николай Евдокимов был награжден орденом Ленина. Вот почему так тепло вспоминают об отважном парашютисте советские космонавты, вот почему вспоминает о нем в своей книге первый в мире летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

...5 декабря 1961 года среди прочей корреспонденции красным следопытам Грядской школы почтальон принес и обычную бандероль в коричневой бумаге. Вначале на нее не обратили внимания. Но когда открыли — ахнули. Ребята увидели фотографию Г. С. Титова с автографом и книгу Ю. А. Гагарина «Дорога в космос» с надписью: «Коллективу учащихся и учителей Грядской восьмилетней школы имени Н. А. Евдокимова в память о первом космическом полете. Ю. Гагарин». Так началась дружба красных следопытов с космонавтами. И позднее все космонавты присылали свои фотографии в школу. Но по-прежнему книга Юрия Гагарина — самая дорогая реликвия школьного музея.

Такова история о том, как пионеры Грядской восьмилетней школы создали музей Н. А. Евдокимова и стали евдокимовцами.

Все, о чем вы здесь прочитали, я рассказал своей знакомой, Люде.

— Интересно, — сказала она. — Но неужели после этого ребятам прекратили поиск?

— Прекратили? Нет!

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Это случилось 2 ноября 1941 года. Может быть, в самые тяжелые для нашей Родины дни Отечественной войны. Фашисты рвались к Ленинграду и Москве. В первые месяцы войны наши авиационные заводы на Урале и в Сибири еще не успели наладить выпуск боевых самолетов, и потому вражеские истребители и бомбардировщиков на фронте было больше, чем наших. Приходилось вести сражения в воздухе с превосходящими силами врага. И вот в день, о котором идет рассказ, комсомолец Николай Лисконоженко встретился над поселком Гряды с несколькими вражескими самолетами. В неравном воздушном бою он расстрелял весь боезапас. Что делать? И тогда Лисконоженко применил воздушный таран, которого как огня боялись фашистские пилоты. На воздушный таран могут решиться только мужественные, бесстрашные летчики. Каждый такой случай — свидетельство героизма. А Николай Лисконоженко в воздушном бою над Грядами дважды таранил вражеские самолеты. Два тарана в одном бою! Такого еще не знала история авиации... Герой сумел и после второго тарана посадить самолет, но раны, полученные Николаем Лисконоженко в бою, оказались смертельными...

Красные следопыты из Грядской школы отыскали очевидцев этого небывалого боя. Нашли они генерала Николая Кузьмича Клыкова — командующего 52 армией, в которой служил Герой Советского Союза Николай Лисконоженко. О том, как они сумели это сделать и как они чтят бесмертную память героя Отечественной войны, рассказывают экспонаты школьного музея. Но и это еще не все. Пионеры

поняли, что в истории их школы и родного поселка очень много интересного. И они продолжают поиск. Теперь каждый в Грядах знает о подвиге пионера Гриши Лященко — храброго разведчика, которого схватили фашисты по доносу предателя. Фашисты долго пытали мальчика, вырезали на его груди звезды. Замучили его до смерти, но не сказал он им ни слова. Теперь у могилы героя часто можно увидеть пионеров из

Николай Лисконоженко

Грядской школы. Сегодня имя Гриши Лященко носит пионерский отряд шестого класса. А ведь не так давно ребята даже не знали, что Гриша Лященко учился в их школе.

Чтят грядские пионеры и других героев-земляков, отдавших жизнь за свободу нашей Родины. Красные следопыты знают теперь имена сотера бывших грядских школьников, не вернувшихся с войны. И сегодня — поиск продолжается.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мне повезло. Я попал на заседание Совета дружины. Решался вопрос, кому вручить кубок Евдокимова. Лучшим на этот раз оказался выпускник восьмой класс. Но главное, из-за чего я приехал в Гряды, произошло вечером.

В напряженной тишине школьного зала звонко разносятся:

— Выпускниками 1941 и 1971 годов построятся!

Открывает торжественную линейку Таисия Павловна Васильева. Она училась в Грядях, а теперь — уже более двадцати пяти лет — работает в родной школе учительницей.

Начинается перекличка.

Андрей Пивень!

И правофланговый отзывается:

— Погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками!

— Николай Гришин!

— Погиб...

— Куранов Петр!

И в ответ раздается: погиб... погиб...

Добровольцами пошли они на фронт и героически погибли. Но память о них жива навеки.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как я перестал работать в Грядской школе. И каж-

дый раз, когда я приезжаю, ребята рассказывают мне о новых находках, о новых интересных делах. Так и сегодня. Группа красных следопытов Жени Большухина помогла летчикам части, в которой служил Герой Советского Союза Николай Лисконоженко: выслали музею полка часть собранных ими материалов о подвиге героя. Ребята получили письма от мелитопольских пионеров, из школы, где учился Николай Лисконоженко. Каждый год 2 ноября ребята совершают походы в ту деревню, где в этот день посадил свой самолет смертельно раненный летчик. Такой поход состоится и в этом году.

В январе грядские пионеры собирались побывать в Гатчине, где похоронен Николай Евдокимов.

Марина Станчук рассказала мне, что деньги на эти поездки зарабатывают сами ребята.

Перед самым моим отъездом Оля Орлова и Лена Иванова принесли пачку писем. Их поисковая группа недавно сумела отыскать мать Гриши Агриппину Иосифовну Лященко. Живет она в Боровичах. Ребята обязательно поедут туда. Они хотят принять Агриппину Иосифовну в почетные пионеры своего отряда.

Большое и нужное дело начали ребята из восьмилетней школы поселка Гряды на Новгородчине.

...А ведь все еще бывает так, что в поисках героев ребята подаются за сотни, а то и тысячи километров, будто в родных местах вовсе нет и не было ничего важного.

МОРСКАЯ ДОРОГА

Борис Слуцкий
Рисунок В. Топкова

Корабль-путькладчик
дороги пролагает
в зеленом Черном море
и в черном Белом море:
блестящие от пены,
короткие дороги,
волною их смывает,
ходить по ним нельзя.

А ночью, лунной ночью,
в дорогу за кормою
вливается, втекает
блестящий шлах луны.

А в небе, черном небе,
отчетливо искрится
другой — Чумацкий шлах,
по-русски, Млечный путь.

Стою на перекрестке,
плыву на раздорожье,
а море не пустынно,
особенно — ночное:
на нем дорога есть.

СЛАВНАЯ МОЙКА— СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ

ПОВЕСТЬ

Михаил Глинка

Рисунки В. Бескаравайного

БЕЗ ТРОЕК

Как-то папа пришел домой и сказал, что надо идти в «Колизей» и смотреть там киножурнал, где снят дядя Сережа. Мы быстро оделись и пошли. Мама даже не спрашивала, что за фильм будет после журнала, так она любит кино. Ну, и я тоже не спрашивал. У меня наследственность, я тоже люблю кино. Еще мама любит праздничные салюты, бенгальский огонь, качели и воздушные шары, и считает, что лимонад можно пить лишь по праздникам.

Папа не выносит ни салютов, ни воздушных шаров и говорит, что лимонад может заменять воду, если хочется пить, но никакого отношения к праздникам не имеет. Вообще, я не уверен, что для папы есть такое понятие — празд-

ники. То есть папа ходит, конечно, в гости, и за столом сидит, и шутит, но больше всего он радуется, если кто-нибудь удачно сострит, или расскажет ему небылицу о медведе, или выточит винтик для его прибора. Тогда папа этот винтик носит в спичечном коробке и всем показывает, и все должны вместе с ним восхищаться. Мама это делает, как народная артистка — одной половиной лица.

Итак, мы пошли в кино. Дядю Сережу показывали долго — минут пять, не меньше. Сначала показали его спину на улице — как он идет на завод. Потом, как здороваются с начальником цеха и как начальник цеха дает ему задание на день. Правда, для всех, кто его знает, было ясно, что дядя Сережа посмеивается. Такие уж у него глаза. Лицо серьезное и в чертеж смотрит, но все равно ясно, что смеется.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1973 г.

Это потому что дядя Сережа вообще-то мужчина твердейший. Он ведь даже ничего и не сказал нам о том, что его сняли в кино.

Диктор за кадром говорил слова, и они были про дядю Сережу и совсем не про него. На экране появился фрезерный станок дяди Сережи, станок медленно поворачивался, и вдруг в кадр попали глаза дяди Сережи. Он смотрел на деталь, которую обрабатывал. Я уже не слышал слов диктора. Улыбочки в глубине зрачков у дяди Сережи уже не было, и разговор с начальником цеха, который, наверно, репетировали заранее, тоже сразу забылся. Остались глаза дяди Сережи — и вот после того, как я увидел эти немигающие глаза, уставленные на деталь, я что-то о дяде Сереже понял, чего не понимал раньше. Уж он-то не забудет закрепить деталь. Уж он-то ничего не забудет. И если говорит что-нибудь, так слушай. Потому что он зря не говорит...

Руки дяди Сережи двигались за станком, что-то переключая и меняя, плечи двигались, фреза то останавливалась, то медленно начинала вертеться снова, отстригивая тоненькие коротенькие стружки, а над всем этим царили глаза дяди Сережи. Ничего не пропускающие. Точные. Как у снайпера. Вот с кем ходить на медведя.

Фильм после журнала был ерундовый — какая-то любовь, о которой можно смотреть детям до шестнадцати. Там все пели и обсыпались цветами. Скука. Папа тоже так сказал, и даже хотел встать, чтобы уйти, но мы с мамой повисли у него на плечах, он рассердился, пошипел на нас немного, а потом вдруг пришел в очень хорошее настроение.

В конце апреля у нас дома был семейный совет. То есть, конечно, все уже было решено заранее, но я делал вид, что этого не понимаю, и когда папа сказал: «Вот окончишь год как следует — возьму тебя в августе на Байкал», — я и задумываться не стал, потому что ясно было, что надо соглашаться. Если бы я сказал, что не смогу, то они бы переглянулись и разговор повели так, что рано или поздно я все равно пообщал бы окончить хорошо. Получалось, что мои отметки гораздо важнее для папы, чем для меня. Меня-то так или иначе куда-нибудь пристроят, у мамы же август все равно был неотпускной месяц, и папа в августе должен был меня «пасти». Однако он хотел ехать на Байкал, и мама поставила условие.

— Или папа один поедет, — сказала она.

Папа выразительно на нее глянул, потому

что тогда непонятно было, куда же денусь я. Но я сделал вид, что ничего не понимаю.

— Байкал, — сказал папа. — Да ты, Митрий, представь себе — одной глубины — полтора километра.

— Мне вот и не представить, — сказала мама. Очень уж ей хотелось, чтобы я год закончил хорошо.

— Без троек? — спросил я.

— А если без четверок? — сказала мама.

Вот всегда так. Только согласись. Даже папа брови куда-то кверху лба загнал.

— Ну, уж, Танечка, — сказал он. — Надо же исходить из реального.

— А я вот в пятом классе грамоту получила, — сказала мама гордо.

Папа молчал.

— А ты? — спросил я у него.

— Я-то... — сказал папа. — Я, знаешь, не помню точно... Но, по-моему...

Он так и не договорил.

— По-моему, тоже, — с каким-то торжествем сказала мама. — Правда, Тигран и Сережа появились позже, но ты и без них сам по себе тоже был неплох...

Папа опять поднял брови.

— А зато теперь ты у нас известный планетолог, — сказал я.

— Что?! — изумленно сказал папа. — О господи! Да что ты бормочешь!

— Решили, — сказала мама. — Половина пятерок, половина четверок.

— Четверки, — сказал я. — И одна тройка. По пеню. Это же не я виноват.

И я посмотрел на них обоих. Дважды ноль будет ноль. Откуда, интересно, у меня может взяться голос?

— Ну, это действительно, — сказал папа. — Это... не всеобъемлюще важно.

— Но ты все-таки постарайся. Хотя на четверочку с минусом. Вот у меня, скажем, никогда не было голоса...

— Ну что вы, дорогая, — сказал папа страшно торжественно. — Как это у вас не было голоса?

— Нет, серьезно. Голоса у меня не было, а пятерку я все равно получала. Потому что старалась...

— Стоп, Танечка. Вот тут я решительно не согласен. Если нет голоса, то и стараться не надо.

— Не пой, красавица, при мне... — тихонько сказал я.

— Цыц! — сказал папа.

ГЛОБУСЫ

Перед самыми майскими днями Ирина Петровна, которая была у нас классным руководителем до четвертого класса, попросила Анд-

рюшку, Валеру Нифонтова и Женьку Фирсова после уроков съездить с ней в магазин учебных пособий. Им надо было всем троим домой,

но она сказала, что напишет записки и, кроме того, возьмет их с собой в кино. Они согласились, съездили с ней в магазин, привезли какие-то глобусы, с которыми еле влезли в троллейбус, а в субботу, как условлено было, после уроков сели ждать на скамеечку возле школы, и как раз шли в «Баррикаде» «Джентльмены удачи».

Ирина Петровна вышла из школы. Торопится.

— Во сколько сеанс? — говорит. — Вы хоть узнали?

— Узнали. В три часа.

— Вот и хорошо... Успеем.

Идут в кино. Ребята около Ирины Петровны прыгают — привыкли к ней все же за те три года. Если что раньше и бывало, так сейчас все забылось.

Подшли к кино. Очереди перед кассой нет.

— Ну, — говорит Ирина Петровна, — Фирсов, собирай быстренько деньги, я возьму сразу, чтобы всем вместе сидеть...

Сказала и стоит. И ребята стоят. Из них только у одного Валеры Нифонтова было пятьдесят копеек, а у Андрюшки и у Женьки — ничего. Ирина Петровна в кошельке своем смотрит, отсчитывает на себя мелочь.

— Ну, что вы? — говорит. — Скорей давай-те, а то опоздаем!

Валера вынул свои пятьдесят копеек и стали они шушукаться, как быть — самые дешевые билеты по двадцать пять. Сосчитались. Выпало идти Женьке, а не идти, значит, Андрюю.

— А как же ты собирался? — говорит Ирина Петровна.

Андрея такое зло взяло, он уж мне потом рассказывал, он и отвечает:

— А я, — говорит, — и не собирался. Я только проводить вас до кино пошел.

— Ну, брось, брось! — говорит она. — Я же по глазам вижу, что ты хочешь в кино идти.

— Ничего вы не видите...

— Ты что это, — говорит, — ни с того ни с сего дерзишь? Ну, хочешь, я за тебя заплачу?

— Нет, — сказал Андрюшка и убежал, даже не попрощавшись. Похоже на то было, что он потом ревел на Мойке; мне казалось, что я видел его издали, но об этом он мне не рассказывал.

А Валерка и Женька в кино пошли, но на сеансе оказались свободные места в других рядах, и ребята от Ирины Петровны отсели — сказали, что им со своих мест плохо видно. Весь сеанс они хохотали, шумели и колотили друг друга от восторга по головам. Им кричали «тише!», и контролерша даже обещала вывести. Ирина Петровна тоже кричала «тише!», но они не обращали на нее внимания. Когда она потом в школе вызвала их к себе и стала воспитывать за плохое поведение в кино, Жень-

ка посмотрел на нее невинными глазами и говорит:

— Вы же сами нас пригласили...

— Но не для того, чтобы за вас краснеть!

— А там все равно не видно было, — сказал Валера. — Темно.

— Не дерзи! Думаешь, если я вас попросила в магазин съездить, то вы теперь можете делать все, что захотите?

Оба они ухмыльнулись, потому что уж лучше бы она не вспоминала про этот магазин. А после уроков утащили из ее класса ключ от кабинета учебных пособий и показали его Андриюшке.

— Пойдешь, — говорят, — с нами? Снова эти глобусы посмотрим.

— Пойду, — сказал Андриюшка. И меня позвал. — Ты мне друг? — спрашивает. Я сказал, что друг, и тогда они мне поручили стоять в коридоре, когда они откроют кабинет пособий.

Я постоял, покараулил, никто из учителей не шел, только «Петр I по пояс в воде» побродил немного в конце коридора, и я тихонько крикнул им «атакс!», чтобы они притихли, а сам нагнулся, будто завязываю шнурок. А потом они вышли оттуда, и у Андриюшки были все руки в чернилах. Они закрыли кабинет, и ключ кто-то из них спрятал во дворе. Это было в понедельник.

А во вторник я проснулся от телефонного звонка. Телефон у нас стоял в коридоре, я выскочил первым и услышал в трубке голос Ирины Петровны.

— Это квартира Беляковых? — спросила она, словно меня не узнала. — Ну-ка позови мне сейчас же папу или маму!

Я хотел сказать, что они оба уехали на Северный полюс, но мама уже стояла рядом. Она взяла у меня трубку, поздоровалась и долго слушала, поглядывая сквозь меня, а я переминался.

— Да, Ирина Петровна. Ну, ясно, Ирина Петровна... Это он умеет.

Я поплелся мыться. Взялся было по привычке за зубную щетку, но чистить зубы теперь было совсем уже ни к чему, да и паста вылезала еле-еле, хоть стучи по тюбику молотком. И надо же было, чтобы именно вчера папа меня спросил: как у меня дела? Я ответил, что хорошо, и он поинтересовался, почему я так поздно пришел домой. Я сказал, что в школе был митинг в защиту Вьетнама — мол, поэтому.

— А что ты на митинге делал? — спросил он.

Если бы я на митинге был, я бы так просто и ответил: «Стоял. Слушал». Что еще можно на митинге делать? Но я, сам не зная почему, вдруг придумал, что играл на барабане. Папа удивился, потому что никогда о барабане раньше от меня не слышал.

— Ты уверен, что это так? — спросил папа. Я зачем-то стал его уверять. Да еще как горючо!

— А что, никого другого не нашлось? — спросил он.

Тут меня совсем занесло, и я стал придумывать на ходу, куда девались все школьные барабанщики. Пришлось даже двоих в больницу отправить — одного с аппендицитом, другого... в лечебницу.

— В какую это лечебницу? — поморщившись, спросил папа.

— Где голову лечат, — сказал я.

Выяснить он тогда больше ничего не стал, только посмотрел на меня выразительно...

Я выглянул из ванной. Мама все еще держала трубку.

Из ванной выходить не хотелось. Я стоял у раковины и плескал воду в лицо. Наверно, уже раз сто плеснул. Щеки даже стали болеть от холодной воды.

Потом пришлось сидеть за завтраком.

Мама близко ко мне не садилась.

По радио сообщили о «высоте волны», и я поднял было глаза, но они оба будто не слышали.

— Ну, рассказывай, — сказал папа. — Про глобусы.

Я молчал. Откуда я знаю, что они там в кабинете пособий сделали?

— Я жду, — сказал папа.

— Не знаю я ничего про глобусы, — сказал я. И подумал, что все же поделом Ирине Петровне.

— Вы еще не проходили по истории «лудитов»? — спросил папа.

— Нет.

— Было такое очень глупое движение в Англии, — сказал папа. — Люди ломали машины, думали, что машины виноваты в их плохой жизни...

— Ну, что ты ему сейчас рассказываешь? — крикнула мама. — Его драть надо!

Я с ней был не согласен.

— Так вот, — сказал папа. — Портить сделанное человеческими руками не только глупо, но и преступно. В том числе и обливать чернилами глобусы.

— Я их не обливал, — сказал я.

— Ты в это время играл на барабане?

Я хотел сказать, что это разные вещи, но про митинг я напел так основательно, что сейчас, пожалуй, лучше было молчать.

— Видно, к твоей тройке по пению прибавится еще одна, — сказал папа. — Ты про Байрона забыл?

— Нет, — сказал я тихо, потому что помнил, как папе хочется туда поехать.

Со мной в школу пошел папа. Он, хоть и сурово, но рассказывал мне по дороге об угрю-

мых англичанах, сто пятьдесят лет назад ломавших на фабриках паровые машины, и о том, что за такие дела даже казнили смертью, и поэт Байрон (знаю ли я такого?) выступал в палате лордов по этому поводу. О поэте Байроне я не слышал, и о палате лордов — тоже. Папа покачал головой и сказал, что лорд Байрон, наверно, тоже обо мне не слышал, хоть и прочел в мои годы уже всю английскую литературу, и французскую заодно.

— А русскую? — спросил я.

— Русскую, кажется, не читал, — сказал папа. — Пушкина еще не было, Лермонтова не было и Толстого не было...

— И Маяковского, — сказал я. — И Гайдара тоже.

— Ты, я вижу, совсем развеселился, — с подозрением сказал он. — Для чего это я все тебе говорю?

На новых глобусах видны были чернильные громадные пятна. Мы все стояли вокруг, будто изучали новую карту материков. Вглядывались. И родители и мы. Потом я поймал папины глаза, и, по-моему, он понял, что я этим не занимался. На митинге не был, на барабане играть не умею, но вот глобусы не мазал. Но все равно, он глазами не стал со мной мириться — уж очень он не любил, когда приходится ходить в школу. Я его, пожалуй, понимаю. Но с глобусами бы, наверно, для меня все обошлось, если бы тут же, когда мы с папой шли по коридору, нас не остановила учительница из старших классов — стала на меня жаловаться. А я ее в глаза не знал. Но когда я ей это сказал, она страшно рассердилась и сказала, что это еще раз показывает, как я себя веду в школе — и если учитель знает ученика, а он учителя не знает, то это кое о чем говорит. И навспоминала такую кучу всего, что мне даже интересно стало — биография у меня, оказывается, как-никак, имелась. Но интересно-то интересно, однако я вовсе с ней спорил, хотя папа меня и одергивал, и когда я очень вежливо ей сказал, что я веду не из ее класса, то на папу было лучше не глядеть. Я думал, он меня проглотить хочет. А потом еще к нам подошел завуч... В общем, дома меня сегодня кое-что ждало.

После школы домой сразу я не пошел. Я подумал, что надо, пожалуй, навестить собаку. Копеек тридцать у меня наскреблось, на них можно было купить ей студня. В другой день я задумываться бы не стал, а тут как-то непонятно было, что там будет завтра — потому что еще неясно, что будет сегодня вечером... Из дому, правда, пока что я убежать не соблазнился, но все же уверенней себя чувствую с деньгами, и потому я пошел в школьную столовую и набрал в бумажный кулек котлетных и колбасных обiedков, которые первоклассни-

цы всегда оставляют после себя. Меня дежурные спрашивали, для кого это я собираю? А я назло им отвечал, что для себя. И они улыбались, и никто не верил, что для себя, поэтому никто надо мной не смеялся. Тоже фокус.

Собака уже вполне передвигалась по подвалу, и скоро, видно, пора было ее отпускать. Я подумал, что вот, мол, если бы мне с ней куда-нибудь вместе убежать? Ну, не на все время, а пока забудут — про глобусы и про остальные дела.

Досидел в подвале я до тех пор, пока, тоже с обедками, в подвал не влез Андрюшка. Тоже, значит, боялся домой идти. Мы с ним лениво переругнулись насчет глобусов, и я ему сказал, что неумно было их мазать чернилами, а он сказал, что знает, но ничего другого под рукой не было. Но вообще-то он не жалел. Только домой не шел. И я тоже. Но сидеть с ним в подвале было еще хуже. Так все время и думал: «Андрюшку сегодня выдерут. А меня?» Я ему сказал, что надо идти.

— Иди, — говорит. — Я еще немного тут побуду.

— Смотри, — говорю, — лапу ей не отдави, она еще прихрамывает.

— Да нет, — говорит, — я о ней позабочусь. Мы с ней вместе путешествовать отправимся...

Я спрашивать его не стал — куда это они путешествовать собираются, но как-то все очень похоже получалось.

Вылез из подвала и побрел домой. Уже часов шесть было. Есть хотелось, и руки оказались такие грязные, что ручка портфеля прилипла.

И папа и мама были дома. До моего прихода они о чем-то говорили — может быть, о том, как меня наказать, — и, когда я вошел, оба замолчали. Папа так на меня посмотрел, что я понял — быть беде. Но он сам, видно, все оттягивал, и потому, когда я снял куртку, увидел мои руки и говорит:

— С мылом и со щеткой. Теплой водой. А потом — прощу сюда. Мы ждем.

Я пошел в ванную и стал мыть руки под краном.

— Теплой, теплой водой, я сказал! — крикнул папа.

Я открыл кран под водогреем, вода пошла, но она тоже была холодной. Я подождал немного... Выдерут меня сегодня или нет? Все равно вода шла холодная. Тогда я взял спички... Ремнем или ладонью? Первую спичку задуло, а я успел сунуть ее в окошечко водогрея. Второй я сам дал догореть и кинул ее прямо в ванну — теперь уж все равно. Третью я чиркнул и сунул ее в окошечко...

Когда я пришел в себя, я лежал на диване, папа что-то говорил надо мной тихо и успокаивающе, а на лицо мне падали горячие капли. В голове гудело и болел затылок.

— Не надо с ним было так говорить... — услышал я голос мамы.

— Да ничего серьезного, Танечка... Ну, шок, ну, испугался... Шишка на голове будет...

Я тихонечко открыл глаза. Все поплыло, зашаталось. Мне стало очень жалко себя. Я тоже заплакал.

— Ну вот, — сказал папа. — Все в порядке. Видишь, его не рвет — значит, сотрясения мозга нет...

Мы с мамой плакали вместе.

— А что со мной случилось? — спросил я у папы, когда мы уже довольно долго поплакали. Голос у меня был слабый и какой-то прерывистый. Мне все еще было очень жаль себя.

— Что? — ответил папа. — Да ничего. Просто ты хотел взорвать квартиру. Как рука?

Тут только я почувствовал, что правая рука у меня все горит. Пальцы, ладонь, между пальцами — все саднило, да еще как... Я принимался. Пахло горелыми волосами.

— Это твои ресницы пахнут, — сказал папа. — Верней, то, что было твоими ресницами... Хоть глаза целы... Будешь знать, как поджигать гремучую смесь, болван!

И он вышел из комнаты, а мама обняла меня и снова заплакала. По-моему, из-за моих ресниц. Она сказала, что раньше, то есть полчаса назад, они были у меня как у девочки, а теперь их совсем нет и еще неизвестно, что вырастет. Я ей сказал, что, надеюсь, вырастут, и теперь уже как у мальчика.

В тот раз меня так и не наказали.

ИЩЕМ МАЛАХИТ

В конце мая как-то на перемене пронесся слух, что на памятник перед Инженерным замком натянута тельняшка. После уроков никто не пошел домой, а все двинулись вдоль Мойки к замку. Мы с Томашевской шли по разным берегам, я из-за нее даже дал крюка по Колюшенной площади, а когда мы с Андреем выбрались к Михайловскому саду, то Томашевская с Женькой уже были на другой стороне

далеко впереди, почти у самой Садовой. Но мы пересекли наискосок Михайловский сад и снова их почти догнали. Тельняшки на статуе уже не было, или, может, в школе кто-то специально наврал, но на аллее цвели каштаны, и ветер совсем стих, и пахло деревьями — и все вдруг поняли, что уже лето.

Я с Томашевской в последнее время почти не разговаривал, и она на меня перестала дей-

ствовать своими глазами; я сначала был этому рад, но теперь около нее все время дежурил Женька, и если она, глядя на него, начинала расчесывать свои волосы, мне хотелось подойти к нему и сказать, чтобы он не очень-то радовался, не дая него первого. Но я не подходил, а даже старался их с Женькой не замечать.

Учебный год кончился как-то вдруг. Все казалось — не дожидаться, и хотелось, чтобы поскорей, и сидели в классе уже недели две при открытых окнах, и слушали, как на дворе школы орет малышня, а потом вдруг пришли в школу — и оказалось — последний день.

Уроков в этот день, можно считать, не было. Учителя были хорошие, даже грустных немного. Если кто-то из нас вел в этот день себя не так, как нужно, замечаний нам не делали, а смотрели грустновато и размыто, как через матовое стекло. И можно было встать без разрешения и к кому-нибудь подойти и громко спросить что угодно. Чувствовалось, что это можно. Но все вели себя тихо. Друг на друга тоже поглядывали как через матовое стекло. Какникак, половину учебных годиков уже отучились.

Всем хотелось еще чего-то, ну, вечера торжественного или сбора, но нам сказали, что вечер устроить для нас после седьмого класса, а уж самый большой, громадный — пир на весь мир — после десятого, а сейчас еще рано. Мы кричали, что вовсе не рано, у нас уже кое-кто танцевать уметь, но крик криком, а вечера мы так и не открывали.

Моя смена в пионерлагере начиналась еще через пять дней, а через два дня было воскресенье и папы-мамыны друзья решили ехать с утра за Петергоф, на то место, где раньше стояла фабрика, обрабатывавшая камни. Больше всех готовился дядя Тигран. Он сказал, что поедет на мотоцикле. Мама уговаривала его ехать электричкой, как поедут все, но дядя Тигран сказал, что любит в воскресенье утром поспать и потому поспит лишний часок, а потом догонит электричку на мотоцикле и приедет на место раньше нас.

— Знаем, — сказал дядя Сергей, — встанешь в шесть, к десяти, наконец, заведешь, если повезет. До Петергофа минимум две полочки. Ждем тебя к часу. На буксире у грузовика.

— Ну что ты городишь? — крикнул дядя Тигран. — И заводится он у меня отлично, и ходит...

— Знаем.

— Да такой машины на свете больше нет!

— Это верно, — сказал дядя Сережа.

Мотоцикл дяди Тиграна был старше его самого. Правда, там давно уже полмотоцикла были чужие — и крылья, и колеса, и фара... И раму дядя Тигран десять раз подваривал, но

сколько частей он ни заменял, продолжал считать, что у него не «ИЖ» и не «Ковровец», а «Бэ-Эс-А-Сахара», который воевал в Северной Африке. Я еще был совсем маленьким, еще не знал, ни где Африка, ни где Сахара, а уже дядя Тигран меня возил в коляске своего «Бэ-Эс-А», и где мы ни останавливались, около нас сразу же собиралась толпа мужчин, и дядя Тигран подробно отвечал на вопросы. Особенно он любил, когда его спрашивали, сколько в его мотоцикле лошадиных сил.

— Не мерил, — говорил он.

— Ну, примерно?

— Примерно? Буксировка легкой пушки.

На следующие вопросы дядя Тигран обычно не отвечал. Он просто заводил свой «Бэ-Эс-А», и тогда на квартал кругом люди могли объясняться, как глухонемые — только знаками.

Нинку Томашевскую я неожиданно встретил на Балтийском вокзале. Мы ждали электричку. Я отошел купить эскимо и тут вдруг ее увидел. И во мне что-то вздрогнуло.

Томашевская была какая-то уже совсем другая, не школьная, даже подзагореть успела за эти два дня. Она сделала себе челку, а на шее у нее был шелковый платочек — синне-бело-коричневый.

— Привет, — сказал я. — Ты куда это вырядилась?

— Мы с папой в Петергоф едем... А ты?

Я рассказал ей, куда мы едем и что там можно найти кучу разных ценных камешков — и яшму, и мрамор, и даже малахит...

— Откуда это ты знаешь? — подозрительно спросила она.

— Знаю.

Я не стал ей рассказывать, что мы вчера с мамой целый вечер читали про камни.

— А ты, может, уже там был?

— Может, и был.

Раз она так спрашивает, зачем я ей буду отвечать всерьез?

— А если я уговорю папу? — спросила она. — Ты мне покажешь, где там лежат эти камешки?

Ташить ее с собой, чтобы она опять портила мне настроение? Но я вспомнил о мотоцикле дяди Тиграна и то, что уже в прошлом году он давал мне раза три проехать вперед него, на баке. Я и скорости уже переключал, и спеление отжимал, и тормозил... И никто из нашего класса этого еще не видел. Я посмотрел еще раз на Томашевскую.

— А как же Женька? — спросил я.

— Ну, покажешь или нет? — даже туфелькой топнула. И туфельки новые.

Уж очень этот платочек был ей под цвет глаз, да и челку она правильно спустила.

— Ладно, — сказал я, — попробую своих уговорить.

Хотя я и знал, что они даже обрадуются. Но чтобы она не думала, что ей так все легко. Вчера — Женька, сегодня — уже не Женька... Нечего все прощать.

В вагоне наши папы о чем-то сразу заговорили и о нас забыли. Я не думал, что у Нинки такой старый папа — ему уже, наверно, лет сорок было, а может, и шестьдесят — полголовы седой. Мама все взглядывала на Нину, а потом на меня, и губы у нее начинали куда-то ползти. Я пошел в конец вагона посмотреть на овчарку, которую там везли, думал — Томашевская тоже пойдет, но они с мамой будто ждали, что я отойду, и сразу же о чем-то начали болтать, будто я им мешал, пока сидел рядом. А как только я вернулся — замолчали. И опять мама на меня поглядывала.

Дядя Тигран еще на место не прибыл.

Мы бродили между редкими деревьями по пустырю, где раньше стояла гранитная фабрика, копались шепками в земле, выискивая обрезки камней, и рядом с нами, на сто метров в обе стороны, еще человек двадцать тоже сидели на корточках и откапывали кухонными ножиками или детскими лопаточками кусочки яшмы и халцедона. Интересных камней здесь было полно. Папа, пока мы шли от Петергофа, нам рассказал, что фабрика эта еще Петровских времен, и сначала здесь обрабатывались камни для дворцовых облицовок и мозаик, и варили искусственные стекла, и вытачивались колонны, а потом, после революции, фабрика стала работать на метро. Во время войны она сгорела, и не было смысла уже строить ее заново здесь, и вот уже двадцать пять лет, как только сходит снег, тут бродят любители камней и ищут, и не бывает случая, чтобы уехали обратно с пустыми руками.

Мы с Томашевской складывали свои находки в кучки, наши кучки были рядом, через час уже кучки стали большими, но малахит никак не попадался, и только еще через час я нашел малюсенький его кусочек. И тогда Томашевская предложила наши кучки объединить. Мне было не жалко, только не очень понятно, для чего, но спорить я не стал — Томашевская у нас сейчас вроде гостья была, и мы разложили свои камни на солнышке, и, как в андерсеновском «Огниве», несколько раз выкидывали то, что набрали раньше. И потом осталась у нас небольшая кучка уже самых что ни на есть красивых. И мы пошли эти камни мыть.

Залив был совсем близко, но берег здесь оказался тонкий, надо было идти по кочкам в сухой траве, несколько раз мы натыкались на небольшие промоины, но Томашевская сказала, что такие камни нельзя мыть в луже, а надо обязательно в море, и мы все шли по сухой траве, и залив уже был совсем близко, и Томашевская прыгала в своих новых туфельках с

кочки на кочку, а камни я нес в мешке, который нам дали родители, и смотрел Томашевской в спину. Воображала она очень.

Земля становилась все мягче и все сырее, я думал уже, что мы не доберемся до берега с ее новыми туфельками, но мы все-таки добрались, и там даже оказалось сухое бревно и перед ним на сырой земле сухая доска, чтобы поставить ноги. Мы сели, и я высypал прямо в мелкую воду перед нами наши камни.

— А мы, наверно, новую квартиру скоро получим, — сказала Томашевская.

Я молчал. Я и в старой у них ни разу не был.

— И переедем... И я пойду в другую школу...

— Это зачем? — спросил я.

— Затем, что далеко ездить.

— А где вам дают квартиру?

— У Поклонной горы.

— Не знаю.

— Там уже Озерки рядом.

— А-а... — сказал я. — Далеко... А мы вот с папой на Байкал едем.

Она посмотрела на меня и полезла куда-то в сумочку, я только сейчас заметил, что на длинном ремешке через плечо она все время таскала ее с собой. Она вынула из сумочки круглый пенал, открыла его, и из пенала ей на колени вывалились сигарета и несколько спичек и боковинка-чиркалка.

Я оглянулся. Но родители были далеко, мы ушли уже метров за двести, да еще сухая трава, вроде осоки, да еще кусты...

— Ну и влетит тебе от отца, — сказал я.

— А он не узнает. Он не слышит запаха — сам сигарет от сигарет курит.

— Дашь курнуть? — спросил я.

Она втянула в себя дым и двумя пальцами дала мне сигарету.

— Ну, чего уставилась? — спросил я.

— Хочу посмотреть, как у тебя выйдет.

— Да не хуже, чем у тебя.

Я втянул дым, но глотать его не стал, уже знал, что это противно. Я просто подержал его во рту и выпустил. Он был синий, видно, от него ничего ко мне не прилипло. Томашевская засмеялась.

— Чего ты смеешься?

— Да так, — сказала она. — Смешно.

— А на кой черт ты куришь? — спросил я. Не выносил я, когда они это делают.

Трава тихонько шуршала, распрямлялась, наверно, или, может, новая снизу ее поджимала, и залив был тихим, как лужа, только Кронштадт вдали слегка зубчиками вставал.

— Вот ты, наверно, никогда из дому не мог бы убежать...

— А ты? — спросил я.

— Мы о тебе сейчас говорим...

— Почему это?

— Ты какой-то правильный ужасно... Вот сколько тебе лет?

— Двенадцать.
 — А мне уже тринадцать...
 — Ну и что?
 — А то, что тебе меня непонять... Мне иногда так бывает, так бывает...
 — Ты оттого и куришь?
 — Вот ты меня и не понимаешь...

— Где уж мне,— сказала.— У тебя сейчас дым из ушей пойдет. Давай камни мыть.

Тут Томашевская страшно закашлялась. А я мыл камни и не смотрел на нее. Старая она все же была, вон, оказалось, ей уже тринадцать. И курит.

...Этот дядька появился рядом с нами совершенно неожиданно. Наверно, его можно было заметить и раньше, но мы вдоль берега не смотрели, а прятались только от родителей, и когда он уже остановился около нас, Нинка все еще кашляла, и в руке у нее была сигарета. А я сидел на корточках у воды.

Он поставил Нинку на ноги, схватив ее за ухо. Нинка вскрикнула, а он несколько раз дернул рукой так, что голова ее так и замоталась. Я думал, он ее оторвет — шея-то у Томашевской была как у цапли. Волос только много, а шея, можно сказать, ерундовая. Дядька подергал Нинкину голову из стороны в сторону, а потом дал Нинке сзади, пониже спины. Нинка вырвалась и заревела. Тут я к нему подскочил и крикнул:

— Вы за что ее бьете?

Не успел я ничего понять, как в его пальцах было теперь уже мое ухо. Ну и прищемлял же он! Вроде бельевого зажима, только в десять раз крепче. Он, наверно, сразу мог кусок кожи выщипнуть, если бы захотел.

— Ну-ка, ты дыхни! — сказал он и дернул мою голову к своему носу.

Я не хотел его слушаться. И как это получилось, что я выдохнул ему в нос?

— Тоже покуривал?

— А вам-то какое дело?

— Ну и дрянь! — удивленно сказал он. Только тут я заметил, что он как-то не по-ленинградски говорит, слова у него тяжелей идут и гулко, будто он плечами их произносит, а не горлом. И лицо у него было коричневое и в мелких морщинках. Но рассматривать мне все это долго не пришлось. Он мне тоже

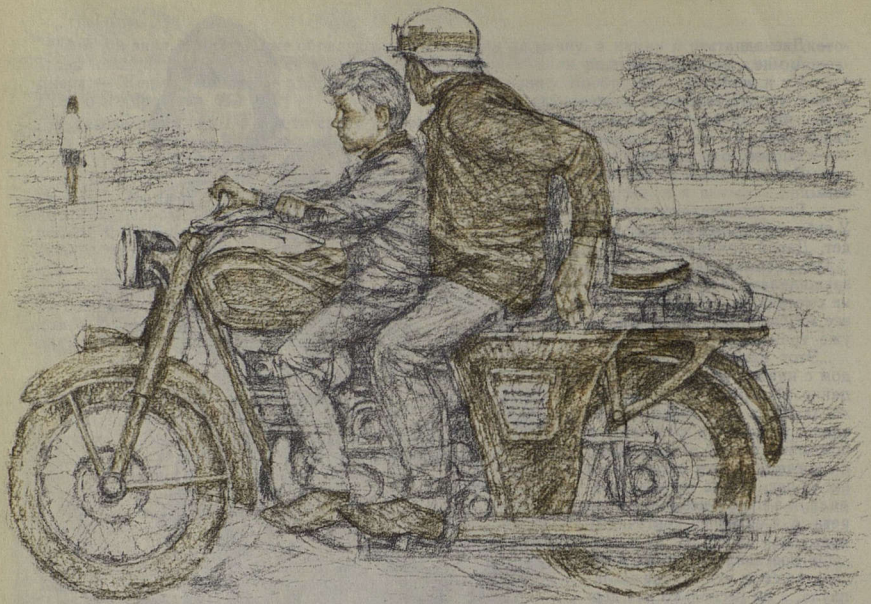

несколько раз так дал по заду, что я завертелся.

— Еще? — спросил он, не отпуская моего уха. — Мало того, что сам дымит, так еще девку к табаку приучает...

— Это не я ее, а она — меня... — пронял я, но тут он так меня хлестнул, что я завопил. Я вопил, а он все держал меня и еще несколько раз таким же макаром врезал...

А потом подержал еще немного, словно раздумывал, куда же меня закинуть, но так и не надумал, видно, и, наконец, разжал пальцы. Здоровенный он был мужик. Не то чтобы высокий, но понятно сразу становилось, что такой с тобой что захочет, то и сделает. И сопротивляться не думай. Старая фуражка на нем была, и куртка, и клетчатый ворот торчал, и сапоги — все самое разобыкновенное, только

глаз бы его не видеть, он тебя так и пригibas. И Томашевская тоже, видно, поняла это, потому что торчала рядом, никуда не бежала, только ежилась и кривилась да ногами перебирала...

Через минуту он уже ушел по берегу — шел и раздвигал сухую траву своими сапогами. И думать я не думал, что еще когда-нибудь его увижу.

Нинка все ежилась. Мне почему-то и смотреть на нее не хотелось. А ей, как будто, на меня.

Она постояла, постояла, а потом побрела вдоль воды. Я стоял около бревна. Только иногда поглядывал, где она там — все же, как-никак, я за нее отвечал.

Сидеть на бревне мне было еще больно, и я все отмывал камешки, в воде они оживали. Мы нашли одну тоненькую халцедоновую плиточку, в полсантиметра толщиной, а то, может, и меньше — и она почти что просвечивала насквозь, и на ней были разводы и прожилки, в которых, если всмотреться, можно было увидеть серое море и белый прибор и почти черный берег, и все это четко, как после грозы. Был еще коричневый камень с лягушачьими пятнышками, который нам обоим не понравился, но мы почему-то решили, что он

самый ценный — вид у него был очень дорогой — хоть за границу продавай. И был малахусенький — в полкусочка сахара — малахитик. Я его вообще-то думал подарить Нинке, но сейчас уже не знал, надо ли, потому что и я еще сесть на бревно не мог, и она где-то там по берегу бродила. Надо, пожалуй, было за ней пойти.

Я встал и оглянулся. Томашевской на берегу не было.

Со стороны, где наши родители все еще искали камни, раздавался грохот и выстрелы — это подъехал дядя Тигран. Я быстро собрал камни в мешок и побежал к красному мотоциклу — пока дядя Тигран еще не остановил мотор.

Дядя Тигран очень любил, чтобы все видели, как его мотоцикл ездит по песку и как перелезает канавы. Самой большой наградой для него была лужа, смесь болота с помойкой. Дядя Тигран залезал на своем «Бэ-Эс-А» в самую трясиину, останавливался, чтобы все думали, будто он окончательно завяз, а минуту спустя выползал на сухое место, волоча за собой гнилую рыбачью сеть или лежавшее в грязи деревцо. Кругом с восхищением говорили:

— Ну и зверь! Ну и трактор!

Дядя Тигран улыбался сдержанно и широко и говорил:

— Ноблэс обліж*.

Я у него как-то спросил, что это означает, и дядя Сережа мне перевел.

— По ўіи в жиге, — говорит.

Наверно, не совсем так, но у папы я еще не спрашивал.

Дядя Тигран ходил вокруг своего «Бэ-Эс-А», оглаживал его и не выключал. Я подбежал.

— Дядя Тигран, — сказал я, — вы мне еще осенью обещали дать прокатиться...

— Одному, что ли?

— Одному.

— Врать ты мастер! — восхищенно сказал он.

«Бэ-Эс-А» все работал, сотрясался. Один раз он, не сдвигаясь с места, ушел в песок до половины колес. Об этом дядя Тигран любил рассказывать.

— Садись, — сказал он.

Я сел впереди него на сиденье, дядя Тигран — совсем вплотную сзади. Он продиктовал мне на ухо, что надо делать, да я и сам помнил.

Папа, мама, дядя Сережа и Нинкин отец — все стояли вокруг. Только Нинки не было.

— Потихоньку... — сказал дядя Тигран.

Я отпустил сцепление. Мы прыгнули вперед и заглохли. Тронулись мы только с третьего раза. Не так уж плохо, что Нинка не видела.

Но теперь мы уже ехали, и я стал рулить к тем зарослям, где должна была быть Нинка. Нас качало, как кибитку в «Капитанской дочке», но я все же почти справлялся с рулем — только иногда дядя Тигран мне немного помогал.

Томашевскую я увидел скоро. Она все бродила между кустами и ежилась. И сумочку уже не на плече несла, а в руках, и что-то в сумочку быстро спрятала, когда нас увидела, только это была уже не сигарета, а платочек, кажется. Ревет, что ли? Я чуть не зарулил в дерево. Мы притормозили около нее, и я предложил ей, чтобы она забиралась в коляску. Но она на меня даже не посмотрела и пошла к своему папе. И дядю Тиграна она тоже, кажется, не узнала — у них труд вела другая учительница.

И мне вдруг стало неинтересно больше ездить, хотя я несколько дней только об этом и думал. Вот всегда так — Томашевская все испортит.

Мы еще прокатились один кружок, ради дяди Тиграна, и потом подъехали к нашим. Томашевской с отцом уже не было.

— А где они? — спросил я у мамы.

— Уехали.

— А почему?

— Тебе лучше знать, — сказала мама и сделала такое лицо, будто сама все знает. А откуда она может знать, когда и я-то не знаю?

Л Е Т И М

Ну, я не буду рассказывать, как ездил этим летом в лагерь. Я в лагере уже в четвертый раз, и там все зависит от того, какие попадутся ребята. Я один раз чуть не скис от скуки — такие гогочки попадались. Что в озере ни найдут — все тащат к воспитательнице. Зажигательные пули, идиотики, нашли — и, мне не показав, тащат к ней:

— Клавдия Егоровна, а что это такое?

Она, конечно, — цап! — эти пули. И до свидания. Уж я просил, просил ее потом хоть штучку отдать, чтобы в костер бросить, но она скорей бы свои очки отдала.

А иной раз ребята попадутся и ничего. Вот в этом году довольно удачные подобрались. Мы даже подкорм в обрыве сделали — метров пять, наверно. И там у нас склад был, и входа никто, кроме нас, не знал, потому что мы только вечером и лазили... Но это все не так важно, потому что в этом году почти ничего нам было хранить в своей пещере — место какое-то выбрали для лагеря — около Мельничьего Ручья. Что сейчас можно там в лесу найти — консервные банки да бутылки — больше ничего и нет.

Два события, правда, все же были у нас за смену — первое, что к нам на территорию лагеря забрел лось. Он прошел в ворота, наверно, ночью, а потом кто-то ворота из закрыл или они сами захлопнулись. Когда мы проснулись, воспитатели уже бегали по территории и кричали. Директор, физрук и конюх выпускать его не хотели, но воспитательницы кричали, что он перебьет нас копытами, и потому надо вызвать милицию. А нас всех подняли на десять минут позже и перевели, без умывания, в столовую, откуда мы из окон смотрели, как лось погнался к воротам. Он был почти черный, чуть с зеленой, и морда горбатая, и рога небольшие.

Когда его выгнали, стало скучно, а он побежал по дороге — мы видели, как песок летел из-под его копыт. Очень он странно бежит — словно плывет, а ноги под ним, как длинная бахрома висячая — никогда и не подумаешь, что он копытами может перебить дерево пополам.

А второе событие было такое...

Мы бегали по лесу рядом с лагерем, утром дело было, сразу после завтрака, и вдруг слышим — девчонки кричат из старшего отряда. Мы подбежали к ним, а они столпились, и од-

* Noblesse oblige — положение обязывает (фр.)

на из них лежит в траве. Кровищи — ведро, наверное.

Старуха там косила между деревьями для своей козы и оставила косу лежать в траве, а сама села отдохнуть. И эта девчонка из старшей группы — Танька Ермакова — бежала босиком. У них в этом году мода такая была — распустить волосы и босиком носиться. Вот она распустила волосы и понеслась по лесу, не глядя под ноги. И насадилась. Да еще бы прямо, а то наискосок... Вспомнишь — в горле холодно становится. Девчонки сбежались — гаалят, одна уже зеленая совсем, сейчас сама свалится. Ну, мы сказали этой, чтобы она пока пальцами прижала, чтобы поменьше текло, и ногу повыше, на пенек, а сами в лагерь побежали, к медсестре.

Вечером читают приказ — никому босиком не ходить, а после чтения приказа выступила медсестра и сказала, что еще неизвестно, не останется ли у Ермаковой на всю жизнь хромота, так как сильно повреждено сухожилие. И это нам всем урок. Только какой же урок? Кто мог знать, что эта старуха бросит в траве косу?

Из-за Ермаковой на закрытии лагеря не давали прыгать через костер. Начальник лагеря так и спросил:

— А что, собственно, за радость в этом прыганье? Для чего это?

«Что за радость в прыганье» — никто из нас сказать не мог, и, послушав, как мы молчим, воспитательница сказала, что настоящей радости от таких прыжков, конечно, быть и не может, потому нам и нечего ответить, а настоящая радость — это спеть всем вместе хорошую песню у костра.

Одним словом, закрытие было тихое, и я себе совсем не представлял, как в таком празднике участвовали бы, скажем, дядя Тигран или дядя Сережа, когда им было по столько же лет, сколько нам сейчас. Так они и стали бы сидеть вместе с девчонками и петь. Да это смешно просто.

В конце июля мы с папой уже полностью обзавелись для Байкала.

Мама смотрела на нас то с жалостью, то с завистью.

Палатка у нас была. Она протекала местами в трех, но дождей на Байкале в это время особенно сильных не бывает, так сказали папе. Два рюкзака было. Разной, правда, величины.

Ружье папа осмотрел и сложил. Боезапас сунул в толстый полиэтиленовый мешок.

Котелок, спальный. Два складных ножа.

Компас, две куртки, завинчивающаяся коробочка для спичек. Мазь от комаров, жидкость от комаров, кусок марли от комаров, если совсем заедат.

— Вы тогда сразу же двигайтесь к берегу, — сказала мама. Даже она знала, что над самим Байкалом комары не водятся — их сдувает ветер.

Блесны. Темные очки. Свитера. Двое штанов папе. Двое — мне. Носки...

В углу выросла куча — как мы все это тащим?

Да еще обувь.

Да еще консервы — чтобы в Иркутске не бегать по магазинам.

— Можёт, Саш, ты все же раздумашь? — спрашивала мама.

Пришпиленные бельевым зажимом к абажуру папиной лампы висели билеты на самолет. На папином столе, отгеснив графики и карты Марса, лежала теперь карта Байкала. Клеенная-переклеенная, с кружками и значками, с пунктирчиками и надписями разными почерками.

Дядя Сережа приходил к папе очень деловитый. Они сажались над картой и разрабатывали маршрут. Дядя Сережа произносил слова «Чивыркуй», «Селенга», «Баргузинский край» — будто он там уже бывал. Потом дядя Сережа сам осмотрел те патроны, которые папа уже приготовил, и часть их забраковал. Добавил своих, снова разложил по кучкам — пули, картечь, дробь...

— Вот так сойдет, — сказал он напоследок. Он все же у нас главным было по медведю, но сейчас особенно было видно. Спиннингом и блеснами он не интересовался.

— Ну что ж, вы так и улетите? — спросила мама утром того дня, что мы улетали. Она была какая-то растерянная.

— Как? — спросили мы.

— Да так...

Мы не знали, что ответить. А мама все бродила по квартире и смотрела, не забыли ли мы что-нибудь, только, по-моему, она волновалась больше нас. То есть больше меня. Папа как будто и вовсе не волновался. Он завязал рюкзаки, поставил их у двери и сел в кресло с одной из своих трубок. Трубка, как водится, полчаса не зажигалась, и папа задымил всю комнату синим дымом, прежде чем ему удалось сделать затяжку. Трубка сипела. Дядя Тигран мне как-то объяснял, что в трубке бывает температура до семисот градусов, и там даже можно расплавить кусочек свинца, но делать это опасно, потому что расплавленный свинец во рту — вещь малоприятная.

Папа курил. Все было собрано. Я тоже сел. Так мы и сидели — нечего суетиться. А мама все бродила, оглядывала квартиру.

— Пап, — сказал я. — Можно я тоже буду курить?

— Зачем? — спросила мама. Она сразу остановилась. — Зачем тебе курить? Я не курю, папа... — Она посмотрела на него, но трубки-то она сама ему дарила, — папа у нас

только для вида, да и то раз в месяц... Дедушки-бабушки тоже не курят... Нина твоя, — тут мама улыбнулась сквозь свой отсутствующий вид, — Нине твоей это тоже едва ли понравится...

— Да она сама курит, — сказал я.

Папа повернул ко мне голову. Мама открыла рот.

Кто меня дергал за язык? Не знаю. Только мне вдруг показалось, что Томашевская далеко, так далеко, что никогда и не встретимся, и потому не все ли равно, что я сейчас скажу? Я ведь не ябедаю... Это просто, как бы сказать, прием такой в разговоре, аргумент, как папа говорит.

Первой опомнилась мама.

— Ты, видимо, шутишь, — сказала она.

Надо, наверно, было сказать, что шучу.

— Вовсе нет, — ответил я.

— Ты бы ей сказал, что это вредно. Зачем она курит?

— Она только когда волнуется, — сказал я. — От переживаний.

Папа поперхнулся и стал кашлять. Взрослые думают, что только они волнуются и только у них есть переживания.

— Когда ей плохо, — сказал я, — вот тогда она и курит. И потом ей легче.

Папа перестал кашлять, у него даже слезы на глазах были. Он смотрел на маму почти жалобно.

— Ты скажи ей, — сказала мама, — чтобы она тогда уж лучше валерьянку пила.

— Пила уже, — с ходу придумал я. — Ей не помогает.

Что-нибудь бы тут произошло, если бы нам уже не надо было ехать.

На аэродроме мама обнимала меня так, будто мы летим воевать во Вьетнам. Потом вдруг повернулась к папе:

— Ты что, серьезно будешь на медведя охотиться? — спросила она.

Папа заволновался.

— Не шумите, Танечка, — сказал он.

Кругом нас, ожидая у турникета, стояли люди.

— Я думала, все это шутки, — сказала мама. — А ты что, действительно?

— Да нет, — томясь, сказал папа. — Это и есть шутки.

— А ружье зачем тогда взял?

Стоявший перед нами мужчина в куртке обернулся и посмотрел на папу. И вдруг... Я узнал его. Это он таскал нас с Томашевской за уши. Он стоял рядом. В другой рубашке, но в этой же куртке и в той же фуражке. Я отвернулся и задвинулся за папину спину. Вот это совпало!

Мама еще раз нас обоих обняла, глаза у нее были совсем испуганные, и мы пошли к самолету.

...Конечно, место его оказалось рядом с нашим! Я уже почти не сомневался, когда его увидел, что так оно и выйдет — судьба! Он поднялся в самолет раньше нас, и когда мы разыскивали свои места, нам пришлось его побеспокоить, чтобы сесть. Меня папа пустил к иллюминатору, сам сел на среднее место — между ним и мной. «Не хватало, чтобы они заговорили», — подумал я. Дядька меня не узнал. Он, наверно, столько детей по берегу излупил, пока шел, что уже и не помнил. Я уткнулся в иллюминатор, чтобы не напоминать о себе.

— Знаешь анекдот про аэродром? — спросил папа.

— Не знаю.

— Один пассажир говорит другому: «Смотрите-ка, ну и высоко мы летим, люди внизу как муравьи!» А сосед ему и отвечает: «А это и есть муравьи. Мы еще не взлетели».

— Не очень смешно, — сказал я.

С таким-то соседом рядом, да еще чтобы было смешно!

— У тебя, Митька, с чувством юмора худю, — сказал папа.

— Ага.

Откуда, интересно, оно в таких условиях может появиться?

Папа заговорил с соседом почти сразу же — мы еще даже не поднялись в воздух. Оказалось, что тот летит домой, на Байкал. Значит, нам целую ночь сидеть рядом. Одна надежда, что он заснет. Я в разговоры не лез. Когда взлетели, я сделал вид, что сплю. Папа закрыл меня своей курткой и перестал в мою сторону поворачиваться. За иллюминатором темнело, и мы плыли над темно-серыми облаками, а небо в той стороне, куда мы неслись, было холодное и непрозрачное, а сзади желто-розовое. Еще дома папа объяснил мне, что мы будем лететь по ходу вращения Земли, и раз так, то время для нас будет идти быстрее. А вот когда мы полетим обратно — будет все наоборот, и можно сделать так, что самолет будет лететь и лететь, и все время в нем будет один и тот же час ночи или дня. Тут сразу мне пришло в голову, что хорошо бы таким образом продлить каникулы, например. Но папа тогда засмеялся и сказал, что вот на этот случай предусмотрен 180-й меридиан, где — шелк! — сразу же переходишь — стоит тебе шаг сделать — из четверга в пятницу, допустим...

За иллюминатором стало совсем темно, в самолете тихо гудело и еле-еле светились лампочки.

Потом папа меня разбудил. Мы где-то селились, кажется, в Новосибирске.

После Новосибирска стали кормить. Я очень люблю, когда в самолетах кормят. В первых, все в оберточках; во-вторых, вкусно;

в-третьих, что взрослым, то и остальным. Равноправие.

Вафли и яблоко я есть не стал, положил их в карман. Мало ли что с нами еще будет?

Папа без передышки говорил с соседом. Сосед что-то глухо и степенно рассказывал. Уже полночи рассказывал, не меньше. Конечно, хорошо, что он меня не узнал, но все же отчего-то было обидно — мало того, что отодрал, так еще и не помнит. Но я и смотреть в его сторону не хотел. Потом я напряг слух и разоблачил, что рассказывает он о медвежьей охоте. Но после еды ужасно захотелось спать... Кажется, мы еще раз сдились. Я проснулся и снова засыпал.

— Мить, проснись, — сказал папа. — Подлетаем.

Иллюминатор был уже совсем желтым. Мы летели ниже облаков, и папины слова я еле слышал — заложило уши.

— Пристегните, пожалуйста, привязные ремни, — сказали по трансляции.

— Я думал, тебе нравится на самолетах летать, — сказал папа.

— А мне и нравится.

— Что же у тебя рожа такая злая?

— Немытая просто, — сказал я.

— То-то... На Байкал прилетаем, а для тебя словно наказание.

— Где Байкал? — я глянул в иллюминатор.

— Не торопись, — вдруг сказал сосед. — До Байкала от аэродрома еще семьдесят километров.

— Кстати, Дмитрий, — сказал папа. — Это Иван Михайлович, капитан катера. Мы, наверно, на его катере пойдем по Байкалу...

— А как же тот? — сказал я. — От которого дядя Сережа письмо получил? Мы же к нему...

Не мог же я сказать — ну его, твоего Ивана Михайловича, у меня и так одно ухо еле держится и синяки, наверно, есть на затылке, хоть никто этого и не знает. Кроме Томашевской. Она, наверно, догадывается, потому что у самой... До меня только сейчас дошло. Нет, я ему такого не прощу... Я ему катер утоплю. С ним самим. Девчонок бить, силач нашелся!

— Ничего, — сказал папа. — Мы к нему заедем.

— К кому?

— Как к кому? Ты же сам меня только что спросил...

— А-а...

— Ворона кума. Что это ты такой рассеянный?

— Так, — сказал я. — Вспомнил одну вещь.

Тут я посмотрел на Ивана Михайловича, но он на меня не смотрел. Мы уже сдились.

Антон Белевич

ДИВО

И настали чудеса:
доброей веселый,
лется дождик на леса,
на поля и села.

Льется дождик на чубы,
березы,
рябины.
И под ливнем голубым
шелестят долины:
— Выйдут желуди—в дубы,
малыши — в мужчины,

семя — в колос, а роса —
в ручейки и реки...
И разносит голоса
над лесами эхо.

Эхо мчится по меже,
пробегают нивой...
И растет, растет в душе
сказочное диво.

Как еще — не знаю я —
мне назвать все это:
так близка душа моя
к звонкой песне соловья,
к перебежкам света.

СКРИПКА

Человек с топором и пилою
ходит-бродит тропинкой лесной,
там, где пахнет корой, и смолоу,
и черемухой, — пахнет весной.

Человек прижимается ухом
к чудо-башням еловых стволов.
Ствол гудит однозвучно и глухо,
но топориком только постукай —
вмиг рождается песня без слов!

От корней в вышину, к небосклону,
тонкий звон под корою плывет.
По напевному этому звону
знает мастер: здесь скрипка живет!..

Эта скрипка отправится скоро
на веселье — на праздник весны.
Голосами дремучего бора,
родников и тропинок лесных
завучат ее струны — то тихо,
то сильнее: не песня — раскат...
В ней услышишь и давнее лихо,
и певучий услышишь в ней лад...

Перевел с белорусского В. Торопыгин

Рисунок Т. Соловьевой

О ТОМ, КАК КНИГУ ВСТРЕТИЛИ

Ученый монах Лютер пришел в ярость: «Люди слушают выскочку-астролога, который тщится показать, что вращается Земля, а не небеса или небесный свод... Этот дурак хочет перевернуть всю астрономию...»

Кальвин вопрошал иронически: «Кто осмелится поставить авторитет Коперника выше авторитета святого духа?»

Книга называлась «Об обращении небесных кругов». Вышла она в свет в 1543 году, в количестве, как предполагают, тысячи экземпляров.

Коперник жил во Фромбарке, а книга печаталась в Нюрнберге. За набором следил друг и ученик Коперника Иоханн Фей Лаухен, по прозвищу Ретик. Ретнику не удалось довести дело до конца. Лейпцигский университет пригласил его возглавить одну из кафедр, но он не мог отказаться от такого блестящего предложения и уехал из Нюрнберга, а все дела передал математику Осандеру.

Хотя книга и посвящалась папе Павлу III, содержание ее несподручно Осандеру. И тогда, чтобы избежать неприятностей, он о чем не сообщая автору, он выбросил из книги предисловие, написанное Коперником (его смогли опубликовать лишь в 1854 году, когда удалось найти рукопись всей книги). А сам сочинил другое предисловие, в котором Коперника, писал восторженным Осандер, это лишь предположения, а не открытия, а в предположениях «да не обращается никто к астрономии, если желает узнать что-либо достоверное; сама она не может этого сделать, и если кто-либо примет за правду то, что придумано было, то через это учение сделается глупее, чем было прежде».

„ОН ОСТАНОВИЛ СОЛНЦЕ

Эти слова написаны на памятнике Николаю Копернику, на его родине, в польском городе Торунь.

В Польской Народной Республике недавно открылась выставка рисунков «Коперник глазами детей». По лучшим рисункам были сожаты гобелены. Посмотрите, как выглядели два из них.

КОПЕРНИК

Гобелен по рисунку Кароля Шиманьки, 10 лет

Автор знал, что ожидает его книгу. В посвящении Павлу III он написал: «Найдутся люди, которые узнают, что я в этих моих книгах об обращениях небесных кругов приписываю земному шару известные движения, тотчас станут кричать, требуя осуждения меня и моих убеждений».

И действительно, этого требовали. Уже спустя много лет, в 1616 году, другой великий ученый, Галилео Галилей, был вызван в Рим, где ему сообщили, что запрещается не только распространять, но даже упоминать ереси Коперника. И все же через шестнадцать лет Галилей выпустил свои знаменитые «Диалоги», в которых он не говорил напрямую о правильности учения Коперника, но весь строй книги приводил чи-

тателем к такой мысли. Отцы церкви тоже это заметили. Над Галилеем учинили суд. Сочинение Коперника включили в индекс — список запрещенных инквизицией книг, из которого оно было исключено только в 1835 году, когда оно, как написано в книге, знал уже каждый грамотный человек.

О ЧЕМ БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА

К моменту, когда из нюрнбергской типографии уехали первые экземпляры книги «Об обращении небесных кругов»,

И СДВИНУЛ ЗЕМЛЮ»

В этом месяце весь мир отмечает 500-летию со дня рождения великого астронома.

ГОРОД КОПЕРНИКА

Гобелен по рисунку Роберта Маршалла, 7 лет

Коперник уже лет двадцать считался известнейшим астрономом. Что он пишет книгу о строении мира, много лет ходили слухи.

Но автор не торопился обнародовать свой труд. Он знал, что факты—это единственное в науке доказательство, и терпеливо наблюдал за звездным небом.

В те времена еще не изобрели многие из самых привычных теперь астрономических приборов. Коперник проводил наблюдения с помощью древних приспособлений, которые он мастерил сам.

В сочинение «Об обращении небесных кругов» вошли результаты двадцати семи наблюдений, а сделал их Коперник больше шестидесяти.

Много веков до Коперника существовала теория строения

мира, которую называют геоцентрической. По этой теории Земля (по-гречески — Гея) является центром Вселенной, Солнце, Луна и другие планеты вращаются вокруг Земли, которая неподвижна. Эта теория принадлежит философу из Александрии Птолемею.

Коперник, как и все его современники, придерживался этой теории. Правда, в его время уже знали, что Земля имеет форму шара, а один из ученых даже высказал предположение, что, наверное, она вращается, — но это было только предположение, без доказательств.

Коперник, повторяем, сперва разделял взгляды Птолемея. Современники знали его и как священника, и как государственного деятеля, и как искусного врача. А он, занимающийся

в свободное время астрономией — тогда она была очень популярна среди образованных людей, — хотел лишь немного улучшить птолемеву теорию. Но исследования, которые он проводил много лет подряд, привели его совсем к другим, неожиданным выводам.

Это самый главный вывод Коперника. Родилась новая теория о мире — гелиоцентрическая.

Гелиос — по-гречески Солнце. Астроном писал, что размеры неба огромны в сравнении с Землей, что «Земля, по оценке нашими чувствами, относится к небу, как точка к телу или как конечное по величине к бесконечному».

Так Земля перестала быть центром мира, а стала лишь одной из планет, вращающихся вокруг Солнца.

В свое время Птолемей предвидел такое утверждение и возражал. Земля, говорил он, от вращения разлетелась бы на куски, а все облака неслись бы по небу всегда в одну и ту же сторону — в сторону, обратную вращению.

Коперник заявил, что вращается не только Земля, но и облака вместе с нею. Вращается земная атмосфера.

Коперник говорил, что свойства земной материи сходны со свойствами небесных тел. Это была очень прогрессивная мысль, словно Коперник — сегодняшний ученый, потому что именно так и считает современная наука: материя во Вселенной одна.

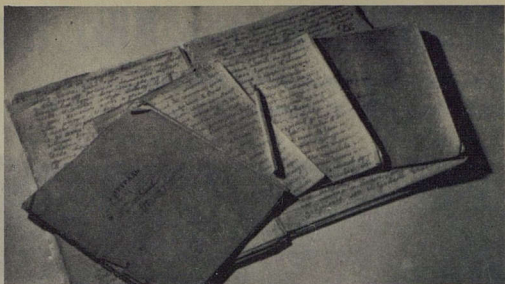
Теперь, спустя четыре века после открытия Коперника и благодаря его открытию, мы знаем о Вселенной несравненно больше, чем знал он. Мы знаем, что Солнце не является центром мира, что оно всего лишь один из таких центров. А сама Вселенная — безгранична. И единая материя непрерывно переходит из одной формы в другую, создавая новые миры.

В. Орлов

кандидат философских наук

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

В. Иванов
Рисунки
А. Гетманского

Мы прибыли в Данциг, а оттуда, пешком, в лагерь Штутгоф.

В лагере нас построили и приказали выйти вперед всем, у кого есть деньги или золотые зубы. Вышло человек двадцать пять. Тут же перед строем у них стали вытаскивать зубы, сбивать коронки. Когда все было закончено, нам приказали раздеться и повели в баню. Там всех наголо постригли. После мытья дали нижнее белье и полосатые костюмы. На брюках по бокам красные кресты, а выше колена личный номер. На спине тоже красный крест — это означало: политический заключенный.

Поднимали нас в шесть часов и выгоняли на поверку. Строили сотнями, по десять человек в ряд. Когда кончалась поверка, все должны были ходить вокруг барака и петь. Кто не пел, того били или гнали к берегу моря. Там заставляли копать две ямы: одну в воде, другую в сухом месте, и из одной таскать банками воду в другую. Это — для издевательств.

В конце января 1944 года нас снова отобрали на этап и около двух тысяч человек привезли в лагерь Майданек, возле Люблина. Когда мы вошли в лагерь, всех охватил ужас: от самых ворот штабелями, как дрова, лежали трупы. Оказалось, что крематорий был на ремонте. Нас сразу заставили рыть траншею в два с половиной метра глубиной и три шириной, длиной двадцать метров. Туда накладывали шпалы, на них трупы, опять шпалы и опять трупы. Потом облили все керосином и соларкой и подожгли. Пошла такая удушливая вонь, что все ходили, как очумевшие.

Один раз после поверки нас повели прямо к виселице. Там мы простояли около часа, пока не раздалась команда «смирно!». К виселице подвели русского моряка в тельняшке, суконых брюках и парадных ботинках. Этот моряк убил в лагере трех немцев.

Ему надели петлю на шею и позволили попрощаться с народом. Он поднял голову и громко сказал: «Прости меня, Россия, что я

сейчас бессилен. А для вас, братья, скоро взойдет солнце!»

Немецкий офицер в очках подошел к нему вплотную и что-то сказал. Матрос размахнулся и ударил его ногой в челюсть. Два других немца выбили у матроса стул из-под ног...

До нас стали доходить слухи, что немцев разбили под Москвой, под Ленинградом и Сталинградом. Каждый день из лагеря начали отправлять заключенных, которые были подозреваемы.

Вскоре рано утром наш блок выстроили возле бани и стали проверять здоровье: каждый из нас должен был пробежать пятьдесят метров.

Проверку выдержали девяносто человек. Нас посадили в вагон и куда-то повезли. Куда — никто не знал.

Ехали пять суток. Ночью прибыли на какую-то станцию.

Шел дождь. На перроне сидело множество людей, прибывших раньше нас. Переводчик объяснил нам, что мы находимся во Франции. Мы попросили разрешения напиться из лужи, конвой разрешил, и через пять минут от лужи не осталось и следа — всю вычерпали, кто беретом, кто деревянной колодкой с ноги.

Нас повели через город.

Люди, несмотря на поздний час, открывали окна и кидали нам курево, хлеб, газеты. Своими деревянными колодками мы стучали, как кавалерия.

В тюрьме русских разместили в отдельном корпусе. Он был огорожен колючей проволокой.

Однажды приехало начальство и нам объявили, что мы будем строить укрепление на берегу Ла-Манша. Тогда мы решили готовиться к побегу. Руководил нами Махнин.

Махнин получил от французов карту местности.

Побег был назначен на 10 мая 1944 года. Девятого мая утром, как всегда, мы вышли на работу. Подошла грузовая машина и в ней унтер-офицер и один солдат. Унтер-офицер подзвал мастера и стал ему что-то говорить.

Борис находился неподалеку и слышал разговор. Он тут же подошел ко мне и сказал, что нам со Сковорцовым нужно бежать немедленно: у нас в матрасах нашли сухари. Если мы не уйдем, нас отправят в Германию.

Сковорцов сказал мне: «Убежим с машины».

Мастер выстроил бригаду и зачитал приказ начальника лагеря: Сковорцову и Иванову идти на этап.

Кто готовился к побегу, тот сразу все понял. Борис быстро собрал у всех табак и спички, разделил на две части и отдал нам. Я сказал на прощанье: «Если будешь жив и вернешься домой, передай, что я был честным до самой смерти».

Мы залезли в кузов. Унтер встал возле кабины, а солдат сел у заднего борта. Мы со Сковорцовым посередине. Машина тронулась. Борис махал рукой, пока мы не скрылись из виду.

Мы ехали около часа через разные селения. Вот дорога пошла в гору и скорость резко снизилась. Я все смотрел на Сковорцова Алексея и ждал. Машина стала спускаться с горы, подул ветер. Солдат достал сигарету, а офицер стал завязывать шарф. Сковорцов кивнул, и мы прыгнули с машины, он на левую сторону, а я на правую, прямо под откос.

Я скатился в кусты и сразу услышал автоматную очередь. Пули рубили ветки.

Добежал до Сены и бросился в воду. Плыть было трудно, особенно мешали ботинки. Меня отнесло метров на триста. Я заплыл в тростник, посидел с полчаса и хотел выбираться, но опять услышал стрельбу и голоса немцев. Я просидел в воде часа три. Перед глазами у меня начали мелькать разноцветные огни.

Когда стемнело, решил идти в горы, рассчитывать, что и Алексей должен прийти туда же.

Я шел часа два, поднялся на крутой склон и решил отдохнуть. Снял мокрую куртку, лег на плоский теплый камень и заснул. Проснулся от жары — уже был день. Очень захотелось есть. Я спустился вниз и попробовал поймать дикого кролика, но кролики оказались хитрее меня. Все время думал, куда мог уйти Сковорцов.

Провел здесь двое суток и решил все же вернуться обратно к реке. Пошел напрямик и вышел примерно на то место, где мы прыгнули с машины. Я увидел, что недалеко от дороги кружится множество галок. Прошел вперед и остановился как вкопанный: прямо передо мной, раскинув руки, лежал Сковорцов. Его, наверное, срезали автоматной очередью.

Оттащив его на край откоса, я выкопал в песке неглубокую ямку и похоронил Алексея.

Я долго скитался по лесу. Иногда мне удавалось накопать в поле картошки, и я пек ее на костре. Но скоро кончились спички. Заходить на фермы я боялся, так как не знал, есть там немцы или нет.

Однажды от голода я потерял сознание. Когда очнулся, было темно. Я долго лежал не двигаясь. И вдруг, будто сквозь сон, я почувствовал, что кто-то взял мою руку. Я боялся открыть глаза, но все же открыл. Передо мной на коленях стояла молодая женщина. Она что-то мне говорила, но я ничего не понимал. Тогда я показал ей жестами, что хочу пить. Она кивнула головой и побежала. Я вдруг испугался, не приведет ли она немцев, но все равно не мог подняться.

Через некоторое время женщина вернулась. Она достала из корзинки порошок, дала мне запить кислым молоком, потом вынула кусок пирога.

Ее звали Жанна. Несколько дней подряд Жанна навещала меня, приносила еду и лекарства. Скоро я поправился и решил искать партизан.

Набрел на узкую, но довольно быструю речку, хотел по камням перебраться на ту сторону, как вдруг раздался свист. В ответ свистнули два раза, уже из другого места. За мной кто-то следил. Только выбрался на берег, как увидел, что из кустов на меня направлены два винтовочных ствола. Я остановился. Вышла женщина, приказала мне бросить мешок и ощупала мои карманы. Потом пошла вперед, я за ней. Мы поднялись немного в гору, и я увидел людей с оружием в руках. Я сразу понял, это партизаны.

Я стал объяснять, что я русский и бежал из концлагеря. Из толпы вышел мужчина и заговорил со мной по-русски. Он объяснил мне, что группа идет на задание и взять меня с собой не имеет права. Но на обратном пути они заберут меня в отряд. Женщина протянула мне банку консервов и фляжку сухого вина. Мне дали солдатское одеяло и ранец под голову. В ранце оказалось еще три банки консервов, сухарей килограмма два, спички и небольшой солдатский котелок.

Прождал пять дней, но за мной никто не приходил. Тогда я решил идти в селение. К вечеру добрался до Бюши.

Я подошел к дому, который показался мне надежным, и постучал в окно. Выглянула женщина и кивнула, чтобы я зашел. Объяснил ей,

что я беглец. Она принесла булку и кувшин молока и молча поставила все это передо мной на столе, а сама вышла. Минут через двадцать она вернулась с пожилым мужчиной. Он спросил, могу ли я работать. Я ответил: конечно.

У крестьянина я прожил восемь дней, работал в поле, на конюшне, делал все, что он мне велел. На восьмой вечер я отправился в сарай на ночлег и услышал песню. Пели по-немецки. Хозяин прибежал, повел меня в овраг, приказал никуда не выходить и дожидаться его. Утром хозяин принес мне позавтракать и еды в дорогу, а также достал из кармана сто десять франков. Мы попрощались.

Ночевал в лесу, копал свежую картошку на полях и пек ее на костре. Так постепенно добрался до поселка Омянс на берегу Ла-Манша. Первую ночь я сидел и смотрел на море. Иногда мне казалось, что это не Ла-Манш, а наш Финский залив, и это сильно волновало меня, вспоминался дом, родной Ленинград.

Утром я услышал артиллерийскую стрельбу и шум моторов. Самолеты летели над морем. С берега били батареи. В воздухе завязался бой. «Мессершмитт» погнался за английским бомбардировщиком. Бомбардировщик накренился и стал падать. От самолета отделился парашютист.

Ветер дул с моря, парашютист летел прямо

на меня. Он упал недалеко, метров за семьсот. Я побежал к нему, обрезал стропы, отстегнул ремешок. Летчик был без сознания. Я снял с него планшетку, потом куртку и увидел, что у него насквозь прострелено правое плечо. Правый глаз был выбит. Я достал перевязочный пакет, забинтовал плечо и понес летчика к себе в шалаш. Через некоторое время летчик очнулся и застался, я накрыл его тряпьем, какое у меня было, а сам стал спускаться к ключу, чтобы набрать воды.

В это время появились два английских самолета. Они покружились несколько минут над местом, где упал летчик, наверное искали его, и улетели в сторону моря.

Я вернулся к летчику и стал думать, как ему помочь. Надо было идти в деревню за лекарством. Я надел куртку летчика, взял его оружие и пошел. Уже стемнело. Я постучал в окно крайнего дома. Через минуту на пороге показался мужчина лет пятидесяти. Он пригласил меня в дом, ни о чем не спрашивая. Я стал объяснять, что мне нужны медикаменты. Он с трудом понял меня, достал из шкафчика пузырек с йодом и два бинта. Когда мы вышли на улицу, мужчина показал мне на белый домик, который стоял невдалеке.

На этот раз на мой стук вышла женщина. Она оказалась фельдшерницей. Я попросил ее пойти со мной, чтобы помочь раненому. Она наотрез отказалась и никакие мои уговоры не помогли. Тогда мне пришлось вынуть пистолет... Вскоре мы были на месте. Страх ее сразу прошел, когда она увидела летчика. Она сделала ему три укола, но перевязывать не стала, так как было темно. Мы просидели возле него, не сомкнув глаз, до утра. Утром она снова сделала ему укол и перевязала плечо.

Я собирался проводить ее домой, когда очнулся летчик и что-то произнес по-английски. Женщина, видимо, понимала его. Он спросил у нее, кто я. Я ответил, что русский. Он помолчал немного, как будто собираясь с силами, и вдруг сказал на ломаном русском: «Подойди ко мне». Я подошел. Он стал просить меня, чтобы я не бросал его, хотя бы несколько дней. Я ответил, что русские не бросают товарищей в беде.

Мы стали выхаживать летчика вместе с женщиной. Она приходила к нам почти каждый день и приносила медикаменты и еду.

Оказалось, что летчик — хоть и англичанин, но по происхождению русский, зовут его Евгением.

Прошло немало времени, прежде чем он стал на ноги.

Однажды я ушел за яблоками. Был солнечный день августа 1944 года. Возвращаясь, заметил на дороге передвижение немецких войск. Оно продолжалось до полночи.

Рано утром мы вышли к дороге и увидели

колонну танков и машин. Евгений сказал, что это англичане и американцы, и побежал им навстречу с криками радости.

Нас окружили солдаты, подъехал на легкой машине офицер. Евгений стал ему торопливо что-то объяснять. Я понял, что речь шла обо мне. Офицер подошел ко мне и крепко пожал руку. Затем отдал какой-то приказ и уехал.

Поздно вечером нас доставили в госпиталь в Руан. Евгения сразу увезли в операционную, а мне на следующий день выдали документы, денег 400 франков, пару белья, сухой паек на три дня и сказали, что могу идти, куда захочу.

Я попал в лагерь репатриантов в Дьепп. Мы, русские, требовали отправить нас на родину, но вместо этого нас отправили в Англию, в лагерь под Лондоном. Дали форму — черные брюки и куртки, кожаные ботинки. Лагерь был палаточный, в палатках чисто, по пять коек.

Через неделю меня вызвали в лагерную контору и объявили, что отдают на поруки английскому летчику, которого я спас во Франции.

Приехал Евгений. Мы крепко обнялись. Затем сели в легковую машину и поехали к нему домой.

Встретили меня торжественно, собралось много гостей, первый тост выпили в честь встречи. Все удивлялись нашим скитаниям. Мне отвели комнату во втором этаже, и мы с Евгением просидели до самого утра, все вспоминали, как нас свела судьба.

На другой день я попросил, чтобы мне дали какую-нибудь работу. Евгений и его жена рассмеялись.

— Работать ты не будешь, — сказал Евгений, — а будешь отдыхать до конца войны.

И началась для меня новая жизнь. Я гулял по садам и полям, наблюдал за английской деревней, а по вечерам мы слушали последние известия и отмечали красным карандашом линию фронта. Но я никак не мог привыкнуть к этой жизни. Я стал просить Евгения, чтобы он написал письмо в военную миссию. Он сразу же написал и отправил.

Приехал полковник и стал расспрашивать, чего я хочу. Я ответил — хочу на родину.

Он пояснил мне, что в лагерях русских отделили от других и по возможности начнут отправлять в Россию. Тогда я попросил перевести меня обратно в лагерь к своим. На второй день после нашего разговора на мое имя пришли документы и направление в город Гримзбей.

Я прожил в лагере недолго. Нас переправили в город Вортинг, а вскоре, в один прекрасный день, объявили: получен приказ об отправке в Россию. К вечеру нас повезли в порт Ливерпуль.

Мы вышли в рейс 15 февраля 1945 года.

А утром 4 марта вошли в наши воды.

КАК ПИШУТСЯ КНИЖКИ

К 100-летию со дня рождения М. М. Пришвина

Глеб. Горышкин

Нынче дедушке Пришвину исполнилось бы сто лет. Так долго живут только деды в высоких горах, среди альпийских лугов и снежных вершин — деды с орлиными глазами и орлиными носами. Дедушка Пришвин жил невысоко над уровнем моря, как и большинство из нас живет. Часть своей жизни он провел в нашем городе, снимал комнату на Золотоношской улице, неподалеку от Александровской лавры. Комнату он снимал без мебели, жил на полу, постелив пальто. Тут и писал свои первые книжки. Это было давно, в начале нашего века.

Дедушка Пришвин жил долго, если мерять не горной, а нашей равнинной меркой. Но дедушкой я его называю не потому, что имею в виду

почтенные годы писателя, когда борода его побелела. Пришвин всегда являлся нам, и детям и взрослым, мудрым дедушкой-сказочником. Память о нем сохраняется в книгах. Помните книги Михаила Михайловича Пришвина — «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Жень-шень», «Лесная капель», «Кладовая солнца», «Глаза земли», «Журавлиная родина», «Кашеева цель»?

Во всех своих книгах, и в ранних и в поздних, Пришвин озабочен единственной целью — увлечь нас, читателей, за собой в невиданные страны, в неведомые края и подвести к тайне, и ключик к ней подобрать. Путешествовать с Пришвиным интересно и благонадежно: все тропки-до-

рожки известны ему, леса дремучие расступаются, птицы и звери разговаривают меж собой, а ему все понятно: с улыбкой, с открытой душой люди встречают бывалого человека, дедушку Пришвина.

В свое первое путешествие «за волшебным колобком» Пришвин отправился молодым. Не для того поехал, чтобы «собрать материал», как принято теперь говорить, а для того, чтобы сказку сложить или «сказ» — нечто такое, что интересно послушать и старым и малым.

«В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то, и я сказал старушке:

— Бабушка, испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны.

Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по суесу помела, набрала муки пригоршни с две, сделала веселый колобок. Он полежал, полежал да вдруг и покатился с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к двери, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота — дальше, дальше... Я за колобком, куда приведет...»

Привел колобок на север, в такое место, где лес встречается с морем, к рыбакам да охотникам. Куда же еще вести, коли сам дедушка Пришвин — заядлый охотник-лесовик? И что же? А вот что: «Мне нужно было добывать себе пищу, и я увлекся охотой как серьезным жизненным делом». Эта строчка — из книги «За волшебным колобком».

Охота давала Пришвину понимание природы, чувство родственной близости с ней. Товарищи по охоте, исконные жители русских лесов, учили его родниково-чистому и богатому красками, как осенняя роща, родному русскому языку.

Но что же это за «некоторое царство, некоторое государство», откуда люди стали разбегаться от плохого життя? Тут Пришвин вынес свой приговор действительности царской России в канун революции. Царизм до того обездолил людей, что потянулись они за лучшей долей в разные стороны. Одни — в степи, другие — на север дикий, в край непуганых птиц.

Добрый сказитель, охотчик до цветистого, узорчатого, складного слова, Пришвин пришел в литературу, имея за плечами опыт участия в революционном кружке, тюрьму, ссылку, изгнание на чужбину; в Германии он закончил философский факультет университета, по возвращении на родину работал уездным агрономом, писал научные статьи, ездил в экспедиции, записывал народные сказки, былины, песни, фольклор собирал, жил в Петербурге. Не сам собою он стал мудрецом, всезнающим «дедушкой». Мудрость досталась ему большими трудами, не-

престанным учением, опытом борьбы и страданий, подвижнической жизнью революционера, работника, мыслителя, странника. Долгой и щедрой оказалась его творческая жизнь, счастливая — писательская судьба.

«Колобок» далеко увел писателя — то на Белое море, то в архангельские леса, то в Хибинскую тундру, то на Дальний Восток. Отсюда он привозил в памяти — картины, сюжеты, образы, подслушанные и записанные в книжечку неповторимые словечки. По этим ориентирам писал свои сказочные повести-поэмы: о казахских степях — «Адама и Еву», «Черного араба», о Дальнем Востоке — «Жень-шень, корень жизни».

Уезжая, он возвращался домой, книжки дома писал. Домом своим, начиная с двадцатых годов, в течение долгого времени почитал обширное пространство лесов и полей, рек, озер и болот на севере Московской области. Сам он отыскал себе это место по вкусу, облюбовал, исходил вдоль и поперек. То жил в Переславле-Залесском, на берегу Плещеева озера, то в городишке Талдоме, то в Загорске, то в деревне Костино, то в Усьле, и в других деревнях тоже жилали или просто в рыбачьих, в лесных избушках.

Одно время он жил на Гремячей горе, близ Плещеева озера, в том самом дворце, который построил в семнадцатом веке Петр Первый, совсем еще молодой тогда царь. На Плещеевом озере плавал «потешный» петровский флот. А вокруг обитали герои «Снегурочки», именно здесь они родились: царь Берендей, бог Ярило, Купава, Мизгирь, златокудлый Лель. «Помню, когда я жил на этом озере, — вспоминал Михаил Михайлович Пришвин, — в одном заброшенном дворце и каждый день, начиная с первых дней весны света, записывая, будто я капитан и земля — мой корабль. И как тосковал я, что я тут один, что не могу звать людей на этот праздник света, цветов, великолепных дуновений весеннего ветра и всяких чудес...»

Пришвин писал свои книги с натуры, как художник пишет картины, смотрел в лицо весеннему или летнему дню, вдыхал запах ветра, цветов, хвой, свежей озерной воды, следил за движением облаков на небе и за полетом стрижей — и писал. Так родилась одна из лучших книг Пришвина: «Родники Берендея».

Последние годы жизни Пришвин провел в деревне Дунино, на крутом

лесистом берегу Москвы-реки. Здесь он повстречался со своим любимым героем Васей Веселкиным. Дело было так. Однажды дедушка Пришвин «чатаискавал», то есть обучал охоте, свою молодую собаку Жульку. Он выводил ее на деревенскую улицу, где куры гуляли. Жульке хотелось какую-нибудь курицу схватить, потренироваться, но хозяин крепко держал ее на поводке. Так Жулька научилась делать «стойку», то есть указывать хозяину носом на птицу, но самой не трогать ее. Когда Жулька усвоила эту науку, они как-то вышли с хозяином к реке, тут плавали белые домашние гуси. Куриц Жулька не трогала, выполняя волю хозяина, но здесь не смогла удержаться, кинулась в воду и принялась «пускать пух» из гусей. В это время из берега выбежал мальчишка с ружьем — сын хозяина гусей. Он приложился к ружью, целясь в собаку голову. Грянул выстрел, но дробь ударила по воде в стороне от гусиной стаи. Пришвин успел заметить, как выскочил из кустов другой мальчик, толкнул стрелка под руку.

Ему захотелось отблагодарить спасителя Жульки, подарить ему книгу, но найти его не удавалось. Школьный учитель пообещал найти, но никто не соизволял. Тогда хозяин собаки решил пойти на военную хитрость. Он написал рассказ обо всем происшедшем. Пришел в школу и прочитал ребятам рассказ про гусей и про смелого, благородного, скромного мальчишку. В рассказе говорилось, что гусей было восемь. Правда, восемь и было. Когда писатель прочел свой рассказ, учитель сказал: «Нет, гусей было не восемь, а пятнадцать». Пришвин стал спорить с учителем, и вот тут-то с места мальчик вскочил и крикнул: «Гусей было восемь!» Сердце его не могло смириться с неправдой. Ему и вручил писатель свою любимую книгу «Всадник без головы». Впоследствии, не терпящий неправды и несправедливости, мальчик Вася Веселкин стал героем еще многих рассказов Пришвина.

Почти все свои книги Пришвин написал для детей, но так написал, чтобы и взрослым тоже интересно было прочесть. Он верил, что в каждом человеке, до самых преклонных лет, где-то внутри остается, живет ребенок, мальчишка или девочка. С человеком всякое может случиться в жизни, но ребенок в нем сохраняет веру в добро, справедливость и

красоту. Чтобы вспомнить в себе ребенка, взрослому нужно отправиться в лес, сесть на пенек, оглядеться и вслушаться в голоса птиц, букашек, ветвей и листьев...

Помню, лет двадцать назад мне попался в журнале снимок: сидит дедушка Пришвин на пне, а кругом большой лес. В руках Пришвин держит записную книжечку. Сидит и слушает, что ему шепчет лес, а может быть, лес притих от уважения и внимания к дедушке, а дедушка еще умнее и старше самого леса, все понимает и записывает в книжечку.

Пришвин глядел на меня понимающе с журнальной страницы. Мне вдруг показалось, что он хочет сказать что-то очень важное для меня. Я сразу взял с полки его книгу и начал читать.

«Мы хозяйева нашей природы, она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти сохранить, их надо открывать и показывать».

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные. Будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверям — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину».

Мне показалось тогда, что дедушка Пришвин — вечный, всегда будет с нами, как лес, степь и горы. Но он ушел от нас, как все люди уходят, я не успел его повидать. Зато однажды приехал в село Карачарово, на берег Волги, к другому нашему литературному дедушке Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову (помните его книгу «Карачаровский домик»). Товарищ Пришвина по охоте и литературе, Иван Сергеевич двадцатью годами моложе его. В прошлом году мы отмечали восьмидесятилетие Соколова-Микитова.

Седобородый дедушка Микитов всю жизнь был, как Пришвин, охотником, странником, сердечным другом и певцом русской природы. Он сидел на крыльчике своего укрытого сосновым лесом карачаровского домика и слушал внятный ему разговор ветвей, птиц и реки. По Волге прошел парод, долгим гудком разбудил тишину.

Мне сказали, что этот пароход называется «Михаил Пришвин». Когда он проходит мимо дома старого пришвинского товарища, то приветствует дедушку Микитова гудком.

БУРАН

РАССКАЗ

А. Крестинский

Рисунок М. Майофиса

С точки зрения тех, кто придумывал названия населенных пунктов, поселок, где живет Севка, так ничтожен, что ему даже имени не досталось. «Остановка сорок девятый километр!» — объявляют в поезде. «Где живешь?» — «На сорок девятом»...

А если у поселка такая настоящая кличка, можно с уверенностью сказать, чего там нет. Бани, например, нет. И школы, конечно, тоже нет.

В школу надо ездить на поезде, через одну остановку, в курортный городок. От Севкиного дома до железной дороги минут пятнадцать ходьбы, а если бегом — десять. На поезде еще десять, а от вокзала до школы — рукой подать. Словом, до половины восьмого вполне можно спать. Но весь Севкин дом, вся семья встает рано, и он тоже привык рано вставать.

Севка Соловьев любит выйти, чуть развиднеется, и не торопясь пройти вдоль поселка. Если идти не торопясь, можно увидеть много интересного.

Сегодня Севка тоже рано вышел. И по дороге до станции вот что успел.

Девчонок с улицы Чехова шишками обстрелял.

Кота приبلудного гонял что есть силы, пока тот не догадался нырнуть в отдушину под ближний дом.

У Пантелеевых на заборе кастрюли висели. Севка палку подхватил и — бум-та-ра-рам! — по донышкам...

Так и добрался Севка до станции — круглощекий, румяный, в синей нейлоновой куртке с молнией и красивым шорохом.

Подшел Севка к станции и видит: кроме обычных пассажиров, с которыми он каждый день в дороге, стоит на платформе летчик Николаев с рыжей своей собакой Бураном. Хотел Севка свернуть за станционное зданье, да летчик Николаев его уже приметил и рукой машет: иди, мол, сюда...

Нехорошую тревогу испытал Севка в эту минуту. А вдруг ругать зовет?

Третьего дня, проходя мимо летчикова дома, Севка обстрелял Бурана, лежавшего, как обычно, у калитки. Буран безобидный, ни на что не реагирует, шкура у него толстая. Лежит целый день на одном месте, дрема мохнатая, не сдвинется, хоть ты что... Севка ему и «Бу-

раха-дураха!..», и шишку следом — а он лежит. Не идет — трясется: трях-трях... Шкура в репьях, шерсть под хвостом грязная, гужка висит...

А вдруг летчик Николаев заметил тогда что-нибудь?

Конечно, Севка без злобы, мимоходом, так сказать, не специально, только отвлекся на минуту от важных дел — за молоком шел, за хлебом... Да и что тут особенного? Ну, покидал, подразнил чуть-чуть. А кто, скажите, утерпит, если лопух такой на дороге валяется?..

Однако зовут. И Севка — хитрый человек — деваться некуда, — смело и радушно идет на встречу летчику Николаеву.

— Драссдясяш! — выпаливает он бодро. Севка любит здороваться со взрослыми, находит в этом особый вкус.

Дядя Саша Николаев, прямой, как сосновый шест, сохранил до семидесяти лет всю свою военную выправку, стремительную походку с наклоном вперед и легкую юношескую фигуру. А вот голос у него немолодой — глуховатый, шаркающий. В горле у дяди Саши всегда что-то трещит и хрустит, как в старом приемнике.

— Привет, Сева.

Странно. Никогда прежде дядя Саша к Севке по имени не обращался и вообще не выделял его среди других ребят.

Дядя Саща глядит на часы, потом на Севку, а Севка уже успел успокоиться, тревога оказалась ложной, и Буран никакой обиды не выказывает. А раз так — и Севка глаз не прячет, смотрит прямо, весело в голубые, размытые, с покрасневшими веками глаза дяди Саши Николаева, почему-то не видит в них ответного веселья, но все-таки с улыбкой ждет: что прикажете, товарищ бывший летчик?..

— Сева, — просит дядя Саша, — составь мне компанию. До поезда еще десять минут, успеем...

Загреб Севку рукой и ведет к буфету.

Буран медленно плетется сбоку, широко ставит лапы, словно боится упасть.

В буфете тепло, стекла запотели, народ стоит у высоких столов, пьет кофе.

— Клава, — говорит дядя Саша буфетчице. — Вот — Бурашку везу... — и цокнул зубом.

Тетя Клава, полная, белая, большая — как только помещается в углу буфетике — охну-

ла, перегнулась через стойку, покачала головой, молча налила стакан волжского.

— А соседу лимонад открой, — кивнул на Севку дядя Саша.

Севка еще не понимает, о чем речь, но смутно чувствует: о неладном. Присмотревшись к дяде Саше, он видит, что лицо у того — всегда такое розово-блестящее, подобранное, острое, как нож, — сегодня в островках щетины, желтое и печальное.

— Ну, за собачью душу, — говорит дядя Саша.

Колкий испуг наполняет Севку.

— Как думаешь, — спрашивает дядя Саша, — чувствует он, куда его везут?

«А куда?» — беззвучно откликается Севка, но тут же и сам догадывается «куда», а потом вслух не спрашивает.

— В город везу, в ветеринарку, — говорит летчик Николаев тете Клавье, — там и усыпят и похоронят. У них насчет этого порядок. Место отведено...

Сели в последний вагон, друг против друга. Буран улегся между ними. Жесткая его шерсть касается Севкиных ног, и ноги почему-то противно вздрагивают. Севка изо всех сил напрягает мышцы, а ноги все равно не слушаются.

Что-то случилось с Севкой. И про усыпление животных он слышал, и дохлых кошек видел не раз, а одну так даже на спор поднял за хвост. И в темноте мог слушать какие хочешь, самые страшные истории. И в подполье темном, зная, что там крысы водятся, просидел однажды целый час. Тоже на спор. Все ничего. А тут — задрожал.

И странно вот что: от Бурановой шерсти идет к Севкиным ногам густое тепло, а ему жабко.

Пахнет тяжелым духом больной старой собаки. Буран положил голову на лапы, закрыл желтые глаза. Севка впервые замечает, какая у него добродушная широкая морда — густая шерсть топорщится во все стороны, а на загривке лежит таким высоким горбом, что ошейника не видно.

Дядя Саша мягко треплет Бурана по спине.

— И все-таки ты скажи мне, — шелестит он, наклонившись к Севкиному уху, — понимает? Как думаешь?..

За окном вагона бегут под уклон унылые осенние перелески. Темно-фиолетовое солнце угадывается в низких тучах. Севка отодвигает ноги от Буранова бока. Он делает это не от брезгливости. Скорей от страха. От какого-то нового, прежде ни разу не испытанного страха. Севка отодвигает ноги медленно, осторожно, чтобы не обидеть Бурана, чтобы тот не подумал чего...

— Молчишь... — с сожалением говорит дядя Саша.

Севка напрягается весь от неумения ответить и раздраженно думает: «Ну чего пристал... Не знаю я...»

— Зажился Бурашка... — голос дяди Саши тихо потрескивает, — двадцать два года отгулял... Тебе сколько?

— Девять.

— Девять! Твои мамаша с папашей еще и не знакомы были, когда он родился. Я ведь из первых поселенцев. Он здесь родился, на сорок девятом. Поле было пустое, представляешь?.. Посреди поля колышек, а вокруг колышка коза ходит. И больше ничего. А теперь вот — ни поля, ни козы... — дядя Саша помолчал, потом неожиданно склонился к Севке и шепотом: — Он все чувствует! Все! Только скрывает. Скрытный стал!..

Неуютно Севке от этих слов. А если Буран и вправду все чувствует? Во как насторожился! Того и гляди, откроет пасть... «Эх, Севка, — скажет, — вижу, какой ты есть... Все вижу!»

— А вообще-то, — дядя Саша отчаянно машет рукой, — говори, брат, про него что хочешь — все равно глухой. Давно глухой. И видит слабо. Я вот хорошо вижу. Сто процентов. Сам удивляюсь.

«Значит, глухой...» — с облегчением думает Севка.

Буран лежит, не открывая глаз. В уголках, у переносицы, копят старческие слезы. Изредка Буран коротко вздыхает и чуть подергивает ухом.

Одну ногу Севка уже убрал, отодвинул, а другую — никак. Буран на нее навалился, прижал боком, и нога Севкина чувствует прерывистое собачье дыхание. Севка терпит и мается. Он подгоняет поезд: «Скорей, скорей!..» А тот еле тащится как назло.

Севке неловко, что он все молчит, на вопросы дяди-Сашины не отвечает. Сам не понимает Севка, что с ним. Другой раз семерых заговорит, а тут... Пересилив себя, Севка спрашивает, заикаясь:

— А если... ну, это самое... полечить если...

— Ты что! — дядя Саша вдруг повисил голос. Пассажиры на соседней скамейке зашевелились, обернулись. — За кого принимаешь? Заживо, что ль, хороню? Да я... — дядя Саша отвернулся к окну и сразу будто весь интерес к Севке потерял. А Севка так испугался, бедный, так испугался! Даже пот его прошиб. И не рад, что вылез. Хотел как лучше...

На полустанке в вагон впрорхнули три девочки из Севкиной школы. Присели сбоку, защебетали — троица святая! — зыркают быстрыми глазами то на дядю Сашу, то на Бурана... И все три, повязанные одинаковыми теплыми платками, они показались Севке не девочками вовсе, а старушками. И шушукуются, как старушки, и руки на коленях держат скромной лодочкой, и улыбаются постно... А потом одна носом этак повела, за ней другая, третья. И давай носы зажимать старушечьими лапками, и отворачиваться давай, и фукать в кулачок...

Севка смотрел на девочнок с ненавистью и презрением: раскудахтались... Забыл, как сам минуту назад торопил поезд.

Девчонки пошептались и — в тамбур. А там уж дали себе волю: орали дурными голосами и по-дурному смеялись.

Поезд дернулся два раза и остановился. Дядя Саша выпрямился, расправил плечи.

— Вставай, Бураха...

Буран очнулся, повел туманным глазом. Вставать не хотел.

— Вставай, вставай...

Дядя Саша поднял Бурана, повел. Меж скамейками остался мокрый след.

Люди шли на выход плотной массой, и Севка с трудом втиснулся между ними. И чем дальше уходил он от скамейки, тем меньше давило его тягостное чувство, с которым он просидел в поезде эти бесконечные десять минут, тем легче становилось у Севки на душе.

Вскочил на перрон, набрал полную грудь горьковатого осеннего воздуха, увидел знакомого мальчишку, грохнул портфель по спине — сразу отлегло! А тут еще трое подскочили — затеяли возню на платформе. Взрослые кричат: «Марш в школу, озорники!» И правда, пора. Побежали.

И когда, смеясь, огибали здание вокзала, Севка опять увидел дядю Сашу. Тот шел мимо — прямой, строгий, неприступный. Шел медленно, чтобы не торопить Бурана.

Ребята побежали дальше, поддавая ногами камушки, а Севка остановился и стал глядеть вслед дяде Саше. Он видел, как колыхалось на коротких лапах широкое туловище Буруна, как все ближе надвигался поворот улицы, за которым вот-вот исчезнет человек с собакой, и тут, на дороге, Севка впервые отчетливо представил себе, чем станут через полчаса, час эти лапы, туловище, эта мохнатая медвежья голова с маленькими подслеповатыми глазками...

Севка топтался на месте, не выпуская из виду дядю Сашу и Бурана. То хотел идти за ними, а зачем — сам не понимал. То поглядывал на ребят, что добежали уже до шлагбаума и оттуда звали его громко: «Соловей! Соловей!»

Потоптался Севка да и пошел в школу.

Первым был урок русского языка. Разбирали предложения.

Севка сидел тихо, глядя в раскрытый учебник, но не видел там ни букв, ни слов, а тем более не понимал их смысла. Он видел перед собой голое поле, такое, как мелькнет иногда в вагонном окне — скучное, серое, ни кустарника, ни деревца... Одна коза, посередке торчит. Тоскливая картина!

Коза эта покою Севке не дает. Как так: жила — а его не было. Померла — а его все не было... И родители Севкины, значит, во времена той козы были еще и не родители, а какие-то чужие, совсем незнакомые друг другу люди, и даже не знали, что когда-нибудь встретятся и будут жить вместе на сорок девятым километре и что родится у них сын Севка...

Зачем жалеет о пустом поле дядя Саша? Каково было маленькому Бурану — поиграть не с кем!..

Севка представил себя на том голом поле — одного — знобко стало. И сегодняшний благодатный мир во всей своей теплой, уютной, шумной тесноте возник перед ним: дома, сады, огороды, приятели, транзисторы, кошки, собаки, телевизоры... Всего хватает!

И тут же резко коснулось: «Жив? Или — уже... А может, сейчас вот?..»

— Соловей, Соловей!.. — шепот со всех сторон. Это его к доске вызвали, а он и не слышал.

Встал. Пошел.

— Пиши, Соловьев, предложение, — говорит учительница. — Пурга продолжалась всю ночь. Пурга...

Севка пишет. Мел сырой, и буквы получают водянистые. Он еще не кончил, а в классе уже смеются — громко, радостно.

— Ну-ка, ну-ка, Соловьев, — говорит учительница и, взяв его за плечи, отодвигает от доски. — Посмотри, что ты написал. Я же сказала ясно — пур-га, а ты что пишешь? Бу-ра н. Слушать надо, Соловьев.

Севка глядит на доску. Видит буквы, слово, из них составленное видит. И оно, это слово, как неожиданный и точный сигнал: там все кончилось. Все кончилось. Все.

И снова, как тогда в вагоне, у Севки противно вздрагивают ноги. А за спиной все громче, все радостней гудит, скрипит, дышит, хихикает, шелестит класс. Он только и ждет, чтобы Севка к нему повернулся, и тогда, увидев растерянное, глупое Севкино лицо, он еще громче, еще радостней взорвется беспечным своим весельем...

Но Севка ни за что не повернется. Ни за что. Никого не видеть — это сейчас все равно что не быть здесь, все равно что исчезнуть, раствориться, уйти в стенку...

— Соловьев, что же ты! — укоризненно говорит учительница.

Севка берет тряпку, стирает одно слово, пишет другое, облизывает сухие губы и начинает:

— Подлежащее пурга... Сказуемое про-должала сь...

АВТОПОРТРЕТ, 1942 г.

ГОРЫ, 1923 г.

М А С Т Е Р

Он стоял посреди двора. Было еще сравнительно рано, но солнце работало в полную мощь, и под его лучами, кажется, начинала светиться земля.

Увидев меня, обрадовался:

— Так вы из Ленинграда? Очень хорошо. Специально ко мне приехали? Нет? Ну, конечно, кому нужен дремучий старик!

Показалось, даже искренне обиделся, как ребенок.

— А сколько летели? Вот видите, всего пять часов, а говорите — долго добираться.

И опять радость, тоже почти детская, оттого, что вот от Ленинграда до Еревана можно прилететь за пять часов.

Принесли кофе. Но до него ли было, когда рядом висели полотна Мартироса Сарьяна. Композиция с египетскими масками.

Ранний восточный, горящий красками пейзаж. Контур Ара-рата.

Уловив мой взгляд, Сарьян говорил:

— Не в очень удачное время вы приехали. Кончатся строить галерею, мы уже и картины к переселению подготовили. Да их не так уж много. Никогда не умел жить по-настоящему, картины не продавал, а дарил, деньги не копил. Вот и осталось несколько полотен да пианино...

Говорил будто бы сокрушенно, но и с лукавством: дескать, сказать-то все можно, а доведись жизнь прожить заново, все бы повторилось, и никогда бы не торговал картинами, не нужно это.

Где-то далеко, за немислимо крутым перевалом осталось детство. Но о нем то и дело вспоминает художник, вступивший в девятое десятилетие. Вот отец, поссорившись со старшим братом, вместе с семьей (а она большая — у Мартироса восемь братьев и сестер) уезжает из Нахичевани прямо в донскую степь, и здесь, посреди степи, решено жить. Помнится, как дружно рыли глубокий колодец, как наконец на дне его появилась вода. А потом строили дом. В памяти остался шелест высоких трав, журчанье воды, вечерние туманы, с которыми сливалась глуховатый топот возвращающейся домой отары.

«Луна, выскользнув из-за облака, сияла в небе изо всех сил, а мы, увлеченные скользящим лунным светом, бежали за ним, стремясь поймать его. Напрасно... Вконец обессилев, мы валялись и засыпали... Во сне мне удавалось схватить луну и спрятать ее за пазухой или, как зеркалом, пускать ею зайчиков», — это из написанной художником книги воспоминаний.

Он вспоминал прошлое так, будто случилось это не в начале века, а вчера, во второй половине дня. Вот легкой походкой

входит в студию Валентин Серов, великий художник, автор «Девочки с персиками», «Девушки, освещенной солнцем», гневных картин-памфлетов, бичевавших царское правительство. В Московском училище живописи, ваяния, зодчества он у Сарьяна любимый учитель:

— Однажды на выставке увидел портрет моей работы и сразу же ко мне: «Здорово вы написали! Глаза как две пушки! Стреляют!»

Сарьян рассказывал — и казалось, что еще живы и Левитан, и другой прекрасный художник, могучий волгарь Кузьма Петров-Водкин.

— Мы были дружны с ним, вместе ездили на Волгу. Я многому научился у русских.

И помолчал:

— Россия — великая нация, и об этом надо помнить...

У Сарьяна целая галерея автопортретов — рассказ о жизни и художнике, жизнь познающим. В этом собрании работ, пожалуй, больше всего поражает тройной автопортрет.

Три возраста — три человека. Первый — романтический, много ожидающий от будущего. Он только что кончил училище, теперь он попадет на Восток, будет писать улицы Константинополя, зеленноватые, синие ущелья, словно обожженные солнцем, синие силуэты буйволов на фоне призрачной в лунном свете стены, грозды глициний...

Затем он приедет в Армению один раз, другой, третий, пока не останется здесь навсегда. Увидит гряды гор, торжественное свечение Арарата, бешенство горных речек, огромные плоскости долин с редкими кое-где разбросанными деревьями, будет изучать древние памятники, простые и гениальные. И талант его созреет, а во взгляде появится спокойное мужество.

Не только с миром природы соприкоснется Сарьян. Он станет свидетелем страшной трагедии 1915 года, когда изгнанные турецкими властями тысячи армян хлынут во многие страны земного шара, и путь этот будет отмечен бесчисленными смертя-

ми, голодом, болезнями. Увидит беженцев в Ереване и Эчмиадзине: можно ли справиться с этим океаном горя? Вот мать, потерявшая пятерых сыновей: последнего не на что даже похоронить. Сшила саван из тряпья, а вместо ниток — собственные волосы...

Кажется, что Сарьян — свидетель всей многовековой истории армянского народа, и «каждая рана Армении — его рана. Тем радостней приветствует художник возрождение страны.

Посмотрите на его полотна. Да ведь это не пейзажи, это гимны... Наплывающие друг на друга пласты плоскогорий, сосредоточенность горных хребтов, тихий вечерний танец женщин. Цветы Бюракана.

Он вообще больше всего любит лето. Любит веселье праздника: сваленные в груду персики светятся, как маленькие планеты.

Он похож одновременно и на мыслителя, и на крестьянина. И в глазах его — мудрость, доброта и лукавство.

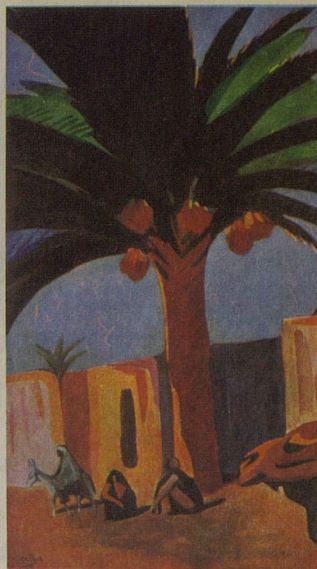
Долгая жизнь — не только великий дар. Она связана с потерями. Но «зерно прорастает в земле, растет положенное время, цветет, снова родит зерно и потому не умирает. Таков же человек», — пишет художник в воспоминаниях.

Ему чужды колебания и сомнения в сути и цели своего дела. Он работает с уверенностью земледельца араратской долины или шахтера Кафана, добывающего ценные породы.

А еще — он удивительно богат.

Он богат тем, что сделал. Своими полотнами, которые знает весь мир. Богат своей жизнью. Богат людьми, с которыми встречался. Богат нежной любовью своих земляков.

Вот он вышел на улицу. От жары светится сероватая земля, темная листва деревьев. Он не спеша устанавливает мольберт. Сегодня Сарьян будет писать цветы — широкими веерообразными мазками. Они возникнут сначала в глубине полотна, а потом будут надвигаться на нас.

ФИНИКОВАЯ
ПАЛЬМА.
Ереван, 1911 г.

От автора. Заметки эти были написаны несколько лет назад. Сейчас, когда мастера уже нет в живых, наверное, надо было настоящее время заменить прошедшим. Но с нами остались полотна и рисунки Сарьяна, некоторые из них помечены 1972 годом, последними месяцами жизни художника. И на этих полотнах, на этих рисунках горные вершины отражают огненный свет восходящего солнца.

Владимир Лавров
кандидат филологических наук

ЧТО ЧИТАТЬ О ХУДОЖНИКЕ

1. М. С. Сарьян. Из моей жизни. М., «Изобразительное искусство», 1970.
2. Д. Н. Голубков. Доброе солнце. Повесть о художнике Мартиросян Сарьяне. М., «Детская литература», 1970.
3. Р. Дрампян. М. Сарьян. М., «Искусство», 1964.

Рассказы о тракторе „Кировец“

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

В. Арро

Чудесное явление

Однажды жители моего любимого города увидели в конце улицы, позади вереницы блестящих лаком машин, какую-то необычную громадину. Она все росла, приближаясь вместе с автомобильным потоком. Огромные колеса крутились на уровне крыш (нет-нет, не домов, а всяких там «Москвичей», «Запорожцев»!). Где-то в вышине, на трехметровой высоте, торчала озабоченная физиономия водителя.

— Батюшки, — сказали люди, — да это же тот самый трактор! Экий красавец!

И все встали на краю тротуара так же, как в дни приезда какого-нибудь высшего гостя.

— А скорость, вы обратите внимание, какая скорость!

— А одежка-то на нем современная!

— И рокоту никакого. Надо же, такой большой, а такой спокойный! Так: горожане расхваливали невиданную машину.

Я и сейчас, спустя много лет, замечая, что когда по улицам Ленинграда движется «Кировец», головы прохожих непременно поворачиваются в его сторону.

Случай на Мойке

Было это несколько лет назад, осенью. Автобус четырнадцатого маршрута спокойно проехал вдоль

Марсова поля, пересек трамвайные пути возле Инженерного замка и готовился подрезать к остановке у Летнего сада, как вдруг...

На следующий день газеты писали, что водитель автобуса, избегая столкновения с внезапно затормозившим грузовиком, резко повернул руль вправо, автобус выскочил на тротуар, проломил решетку набережной реки Мойки и ухнул бы вместе со всеми пассажирами в холодную воду, если бы задние его колеса не зацепились за кромку тротуара, которая в этом месте случайно была выше обычной.

Проходившие и проезжавшие мимо люди с ужасом увидели, что огромный львовский автобус повис над водой. Лишь тяжелый мотор, расположенный, как известно, у львовских автобусов сзади, кое-как удерживал его в равновесии.

Можете себе представить, что в тот момент чувствовали пассажиры этого самого четырнадцатого автобуса. Некоторые уже готовились к выходу: ведь рядом были Летний сад и цирк. Некоторые должны были следовать дальше — к Литейному. И вдруг вместо этого все оказались висящими над водой, на высоте пяти метров!

К счастью, водитель тоже оказался на высоте. Он скандовал в микрофон: «Все сейчас же назад!» И открыл заднюю дверь.

Перепуганные люди кое-как вылезли из автобуса. Последним вышел, конечно, водитель.

Кругом давно уже остановилось движение. Одни стали кричать, что нужно вызывать аварийную.

— Да что там — аварийную! — кричали другие. — Она не потянет. Тут нужен подъемный кран!

— Ну-ка, что тут у вас? — сказал один человек, раздвигая толпу. Он осмотрел все, присел на корточки, что-то прикинул.

— Ну хорошо, — сказал он. — Сейчас я вернусь, освобождайте-ка покуда дорогу.

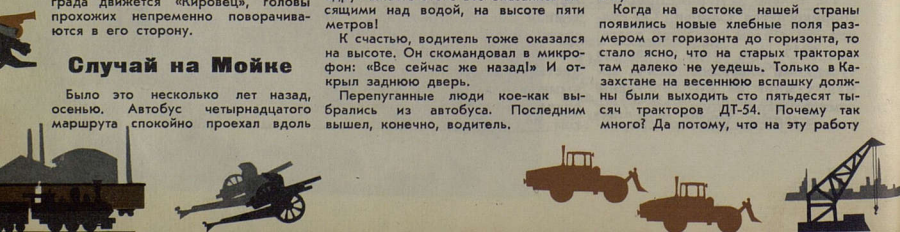
Через минуту все увидели, как из вереницы остановившихся машин вывернул трактор «Кировец» и подъехал к месту происшествия.

К автобусу был прицеплен трос, «Кировец» фыркнул, двинулся с места, поднатужился и... четырнадцатый автобус встал на свое законное место — на мостовую возле тротуара.

Первый рекорд

Конечно, главное назначение «Кировца» — не вытаскивать автобусы из рек, а служить сельскому хозяйству.

Когда на востоке нашей страны появились новые хлебные поля размером от горизонта до горизонта, то стало ясно, что на старых тракторах там далеко не уедешь. Только в Казахстане на весеннюю вспашку должны были выходить сто пятьдесят тысяч тракторов ДТ-54. Почему так много? Да потому, что на эту работу

весна отпускает людям всего двадцать дней. Начать раньше нельзя — земля не просохла. Кончить позже тоже нельзя — не успеет созреть урожай.

Словом, сама природа потребовала создания новой машины: мощной, выносливой, быстроходной.

Нужно было сработать совершенно новый трактор, которого еще не было на земле. И не только на земле, но и на бумаге. И не только на бумаге, но и в головах конструкторов. Вот так задача!

И вот тут-то и начинаются чудеса. Трактор «Кировец», этот железный Гаргантюа, поставил свой первый рекорд в самый момент своего рождения.

Весь путь, от замысла до полного его осуществления, он прошел — за год!

Испытания первого трактора «Фордзон-Путиловец» (1924 год)

Завод-комиссар

Тот, кто не слышал о Кировском заводе, тот, пожалуй, ничего не знает о нашей промышленности. С тем и говорить на эти темы рановато. Это все равно что ни разу не посмотреть кинофильма «Чапаев» или не слышать песни «Орленок».

Но таких людей мало. Большинство, конечно, знает про знаменитый ленинградский Кировский (бывший Путиловский) завод.

Кировский — не просто завод тяжелого машиностроения. Машиностроительные заводы есть и в других городах. Кировский — завод-комиссар. Он всегда на шаг впереди всех других заводов. Будь то борьба против царизма. Или гражданская война. Будь то создание первых отечественных тракторов или вооружения для Красной Армии. И в дни блокады Кировский завод оставался комиссаром — на линии фронта, израненный, изможденный, боролся из последних сил.

И как у всякого настоящего комиссара, грудь Кировского завода — вся в орденах.

У него пять наград, боевых и трудовых, мирных.

„Федор Петрович“

Все когда-нибудь чего-нибудь не умели. Мы вот с вами не умели читать и писать. Летчики не умели летать со скоростью звука. Парашютисты — делать затыжных прыжков. Пятьдесят лет назад Россия не умела делать тракторов. Никаких — ни колесных, ни гусеничных.

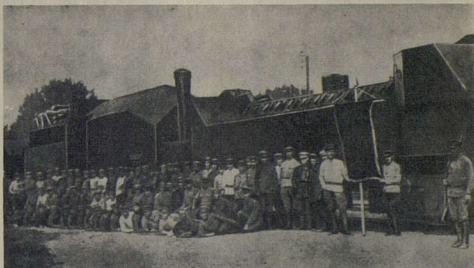
При Советской власти так, конечно, не могло долго продолжаться. Ленин это хорошо понимал.

Однажды на завод в составе грузового поезда прибыла платформа, на которой возвышался большой, сбитый из толстых досок, ящик. На досках было что-то написано по-иностранному. Поглядеть на заморскую диковину собралось много рабочих.

Когда доски отодрали, все увидели новенький колесный трактор марки «Фордзон».

Шофер Костя Яковлев с опаской сел на металлическое сиденье. Взялся за руль, пустил мотор.

ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗАВОДА

ДЛЯ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

«Сводка выпуска и ремонта боевого снаряжения Красной Армии, сделанного Путиловским заводом для обороны Петрограда с 10 октября по 10 ноября 1919 года.

1. Пушки легкие, трехдюймовые, полевые, горные, короткие, зенитные — 60 штук.

2. Орудия тяжелые, 75-миллиметровые, 42-миллиметровые, 48-миллиметровые гаубицы, 6-дюймовые полевые, 6-дюймовые осадные, 150-миллиметровые морские — 12 штук.

3. Отремонтированы, снабжены орудиями бронепоезда: № 7 — «Степан Разин», № 44 — имени Володарского (2 раза), № 45, № 6 — имени тов. Ленина, № 39/60, № 67, № 17.

4. Выпущено и отремонтировано автомобилей «Остин» с двигателем «Кегресс» (бронемашина на гусеничном ходу) — 5 машин.

5. Отремонтировано автомобилей: бронированных, грузовых и легковых — 25 штук».

Что тут началось! Все закричали, шапки вверх стали подбрасывать.

— Вот так кони! Вот так сила!

— Сколько в нем мощности-то?

— Да, почитай, все двадцать лошадей!

Но тогдашний красный директор Афанасьев, как рассказывают, оставил веселье.

— Чему радоваться? — сказал он. — Радоваться преждевременно. «Фордзон» куплен на золото в Америке и прислан нам не для любования, а чтобы мы с вами сделали точно такой. И не один, а тысячи! Вот когда крестьянскую долю переведем, тогда и будем веселиться.

А что, и правильно ведь сказал. «Фордзон» поставили в автомобильную мастерскую завода.

Шутка ли было — сделать трактор без чертежа (американцы за чертежи просили бешеные деньги).

Купленный трактор был разобран до последней гайки. Каждую деталь обмерили, некоторые для более точного измерения даже пришлось разрезать. В лаборатории исследовали материал, из которого они были сделаны, определяли твердость, способы обработки.

Всего деталей было более семисот. Эх, много раз я убеждался, что люди могут делать, на первый взгляд, невозможные вещи!

Есть одна штука в людях, а если у кого-то из вас еще нет, то объяс-

Разобрали. Заменяли детали.

Снова собрали.

Не шел.

Разобрали.

Собрали.

И так много раз. Осматривали каждую деталь, искали дефекты. То пыль где-то забивалась, то не хватало точности. Ведь даже подшипники — знаете, такие кольца с шариками — вытачивали сами.

— Трактор не пойдет! — твердил начальник мастерской.

Но однажды Костя Яковлев крутанул пусковую ручку. И трактор заглохло.

— Ожил! — закричали все. — А ну, а ну, Федор Петрович!

Так его называли рабочие, потому что ему присвоили имя «ФП» («Фордзон-Путиловец»).

Два просителя

В те годы на Путиловский завод пришло письмо.

Крестьянин Федор Пшеничников из Даниловской волости Ярославской губернии обращался к рабочим с нижайшей просьбой. У него никогда не было лошади. Так вот, не скнутые ли рабочие всего по одной копейке, он слышал, что краснопутиловцы взяли помогать крестьянам-беднякам.

«Семья у меня из 9 человек, —

Степан с порога как загремит своим зычным голосом, да по директорскому столу ладонью как брякнет.

— Это что же получается, товарищ директор, по разнарядке нам полагаются пять «Кировцев», а отгрузили только три!

Директор его успокоил, тут же приказал отделу сбыта исправить ошибку.

— Вот спасибо! — сказал Степан. — А теперь я низко кланяюсь вам в пояс за ваши тракторы, хорошие машины, только вот какая просьба, нельзя ли еще пяток?

— Подумаем, — сказал директор.

— Да тут и думать нечего, что нам — пять машин, вы приезжайте, посмотрите, какие у нас просторы! Через несколько дней директор сообщил Степану, что просьба совхоза будет выполнена.

— Еще раз спасибо! — смеялся довольный Степан. — Только имейте в виду, скоро опять приедем!

Вот какие нынче пошли просители!

Одна судьба

Ведь что за судьба такая у человека!

Помните Костю Яковлева, который оседлал первый краснопутиловский «Фордзон»!

Вскоре после этого «Федора Петровича» под номером «9» купили крестьяне деревни Ларино Смоленской губернии. Но с трактористом им не повезло. Машину он разладил, злился на нее, даже кулаком ее бил, но разве так чего-нибудь сделаешь? Крестьяне шумели: кругом пашут, а трактор стоит. Значит, нукудышная машина, деньги, считай, выбросили.

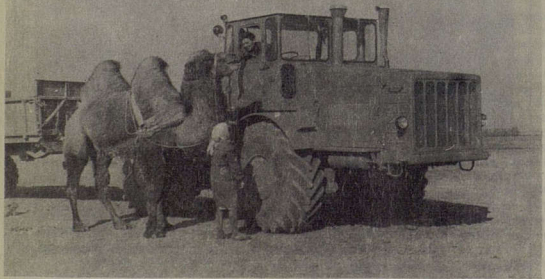
Написали на завод. Директор вызывает Костю Яковлева: ну-ка, разберись там с нашим деуком.

Яковлев приехал, смотрит, а трактор стоит в сарае весь грязный, закопченный, как какой-нибудь беспризорник.

Принялся Костя его мыть, скоблить, разбирать и смазывать. Собрал снова, завел и проехал по деревне. А чтобы крестьяне не сомневались, попросил у председателя десятину земли и вспахал ее при всем народе. Человек плясает со всех деревьев посмотри! Сбежалось. Костя прошел последнюю борозду, остановился перед народом и сказал:

— А вы как думали! Человек любит ласку, а машина смазку.

Спустил тридцать восемь лет, 7 ноября 1962 года, два других трактора, два «Кировца» — номер 6 и номер 7 — вышли на демонстрацию. Это было их первое официальное появление перед всем городом. И опять в кабине одного из них сидел Константин Яковлевич Яковлев. Только сейчас ему подчинялись не двадцать лошадиных сил, а двести двадцать.

«Кировец» пришел в пустыню

зательно будет. Это понимание того, что как бы ни тяжело, как бы ни страшно было, а делать то нужно. Нужно делать! Без этого никак. Никто другой не сделает.

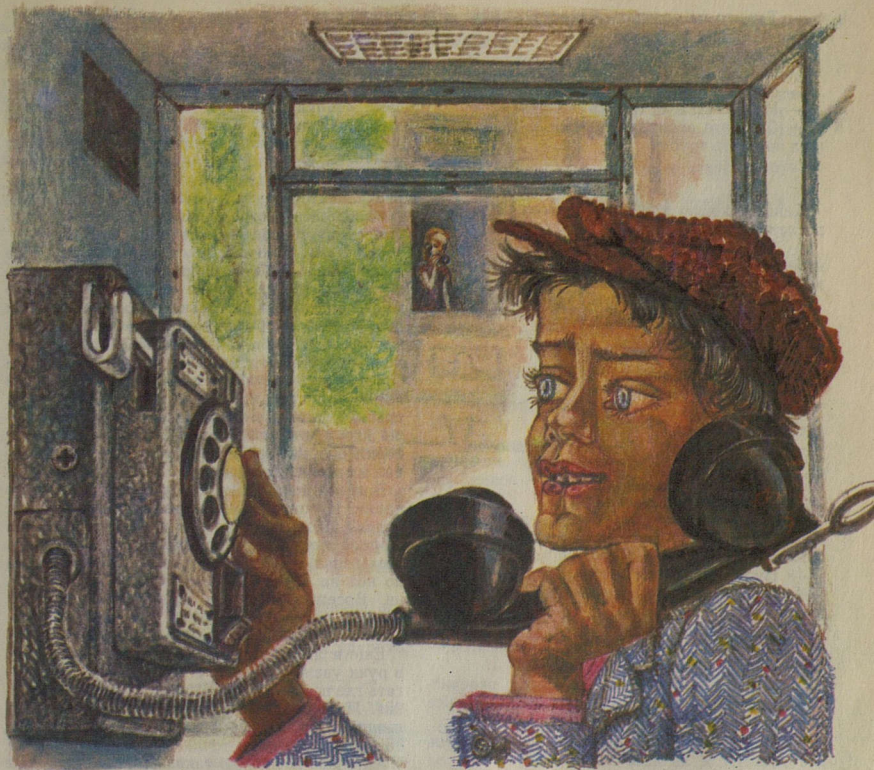
Вот не было самых необходимых вещей у краснопутиловцев, а «Фордзон» все-таки сделали. Стоял он посреди автомобильной мастерской — сложнее машины, казалось, нет.

Теперь вопрос был: пойдет, не пойдет.

Не заводился. Не шел.

писал он, — а работников двое. Я надеюсь, что рабочие не откажут в моей просьбе и протянут мне свою крепкую руку. Для вас по 1 копейке ничего ни значит, а для меня будет лошадь».

А недавно в кабинете директора появился еще один проситель. Рослый, широкоплечий. На пиджаке его горела золотая звезда Героя Социалистического Труда. Это был Степан Ставский, бригадир тракторного отряда из совхоза «Цветочный» Омской области.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПРЕКРАСНОГО ЛЕТА

РАССКАЗ

Олег Тихомиров

Рисунки П. Швеца

Она жила через улицу, напротив моего дома. Я звонил ей по телефону каждый день, думал — может, она вернулась с дачи.

— Леночки дома нет. Еще не приехала, — скрипучим голосом говорила ее бабушка. — А кто ее спрашивает?

— Знакомый, — отвечал я и вешал трубку.

Сегодня я опять набрал ее номер. И снова подошла бабушка и сказала, что Леночки дома нет.

— А кто ее спрашивает?

— Знакомый.

— У Леночки знакомых много. Может, вы все же назовете свое имя?

Называть имя не хотелось. Она и так, наверное, запомнила мой голос. Наболтает Ленке, вот, мол, названивал, телефон весь оборвал. Но это еще нужно доказать. Скажу: нет, не звонил, сам только перед школой приехал, гостили у тетки в деревне.

— Так что же передать Леночке?
Вот введливая старуха.
— Ничего.
— Как же так ничего?
— Очень просто.
— Ну имя ведь не трудно сказать.
— Скажите, звонил знакомый. — И я поспешил повесить трубку.

Лена приехала тридцать первого августа, в последний день каникул.

— Здравствуй, это я! — задохнулся я от волнения. «Здравствуй, Димка!» — ожидал я услышать в ответ.

Но она сказала:

— Кто это?

— Да я же.

— Кто — «я»?

Может, не туда попал? Но голос-то ее.

— Это я — Димка.

— Димка?

Она помолчала.

— Ну да. Мухин, — сказал я с досадой.

— Здравствуй. Ты что, Димка?

— Ничего. Выходи гулять.

— Да я только приехала.

«Знаю», — хотел сказать я, но вовремя подумал, что тогда она догадается, что это я ей назывался. Бабка небось уже все доложила.

— Ну вечером выходи.

— Нет, — сказала она, — наверное, не получится.

— Почему?

— Потому что... — она помялась немного, — дел много.

Я подумал, что она сейчас начнет перечислять свои дела, и тогда окажется, что у нее действительно совсем нет времени.

— Послушай, — заторопился я. — Успеешь все сделать. Я из автомата звоню, тут народ собрался. — Я постучал монеткой по стеклу. — Выходи вечером, слышишь?

— Нет, я не смогу.

— Буду тебя ждать! — крикнул я и нажал на рычажок автомата.

Последнее слово осталось за мной. Теперь она знала, что я буду ее ждать. Какие тут могут быть дела. Не виделись почти все лето.

Я с ней познакомился в мае. До конца учебного года оставалось две недели. Все уже ходило как шальные: вот-вот каникулы, лето. А я был зол на весь мир и больше всего — на англичанку. Это она мне сказала: «С твоими знаниями, Мухин, в восьмом классе делать нечего». По другим предметам я кое-как карабкался, но по английскому были одни двойки. Тогда я решил, что и терять мне тоже нечего. К следующему уроку я протянул между рядами тонкую медную проволоку, которую срастил из небольших кусочков. Их коротенькие концы я загнул в разные стороны. Англичанка

пошла и тут же порвала чулки. Я громко хмыкнул.

— Остроумно, — сказала англичанка. — Посмотрим, как тебе будет весело у доски.

Было невесело. Я мямлил, заикался, в общем, «тянул резину». Англичанка вывела в журнале очередную двойку.

Она пожаловалась директору. Он вызвал мать, грозил выгнать меня из школы. Мать расстроилась, плакала. «Мне вас жаль, — говорил директор. — Но что я могу сделать? Он у вас совершенно ответный хулиган». Все же мать упростила, уговорила директора.

То, что я — «ответный», я давно знал. И все так считали. Ребята говорили, что даже учителя меня боятся. Это мне нравилось. Передо мной заискивали не только в моем классе. На перемене я свободно заходил в любую дверь и чувствовал себя как дома. За одних я заступался, другим мямлил бока. Из учителей меня любил только физкультурник. Я хорошо бегал на длинные дистанции, ставил рекорды в тройном прыжке, плавал в бассейне и за сборную школы играл в футбол. «Наша гордость», — говорил обо мне физкультурник. И я посматривал на всех с улыбочкой.

В своем дворе я тоже слыл за шпанистого парня. И тоже со мной никто не связывался: видели, сколько раз я мог подтянуться на пожарной лестнице. Дядя Федя, наш дворник, всех гонял с нее. А мне позволялось. Я лазил по ней на крышу — там стояла моя голубятня. Восемь белых «почтарей» было у меня. Вернее, не у меня, у брата. Но он ушел в армию. Голубятня стала моей.

Еще я любил выжигать. Как-то попало мне в руки увеличительное стекло. И стал я выжигать где придется: «Д. Мухин» или просто «Муха». Интересно было смотреть, как под стеклышком появлялась яркая солнечная точка, потом шел дымок и точка становилась черной. Соединишь несколько таких точек — и вот уже буква «М». Потом — «У». Потом... В общем, трудно удержаться. Рука, словно сама, выводила фамилию.

Да что толку писать везде одно и то же. Тогда под моим стеклышком возникла вдруг веселая рожица со ртом до ушей. И тут пошло — на кусочках фанеры заплясали усатые зайцы, появились кошки с выгнутыми спинами, встали на задние лапы барбосы. Я не знал, хорошо ли они получались. Просто мне нравилось этим заниматься. Но я никому не показывал своих зверей. Засмеять меня бы не засмеяли: кто посмел бы? А все же... Я выжигал на крыше. И там же складывал все фанерки. Много их накопилось.

Но главным для меня оставались голуби.

И вот однажды — это было в мае, когда я запустил своих голубей, — ко мне подошли девочка и парень в клетчатой ворсистой кепке. Отличная была кепочка, ничего не скажешь. Новая, широкая, считая по последней

моды. Только зачем он надел ее, дни стояли жаркие, солнце так и припекало. Девчонку я знал — Ленка, она жила в доме напротив, а парень был не наш. Он заходил иногда за Ленкой. Заходил — и ладно. Мне какое дело. Это меня не касалось.

Они стояли, смотрели, как я подбрасывал голубей, одного за другим, и свистел вслед.

Стая делала круги. Белые крылья трепыхались, сверкали в голубом небе.

— Красиво, — сказала Ленка. — Правда?

— Ничего, — проговорил парень.

Это про моих-то голубей — «ничего!» Я насмотрелся.

— А что это за голуби? — спросила она, шагнув ко мне.

— Обыкновенные, — сказал я, — почтари.

— Барахло, не голуби, — заметил парень, прищуриваясь.

— Что? — я как раз запустил последнего. —

А ну, повтори.

— Барахло, — сказал он и улыбнулся.

— Сам ты барахло. — Я так дернул за козырек, что кепка надвинулась ему на самый подбородок.

Парень что-то мычал под кепкой, не мог ее сразу снять.

— Что ты сказал? — спросил я вежливым голосом и посмотрел на ребят, которые обступили нас, зная, что вот-вот начнется представление. — Мы тебя не поняли.

Наконец он справился со своей кепкой, надел ее снова.

— Ах ты гадина! — Он хотел меня ударить, но я перехватил его руку.

Он махнул другой рукой, я поймал и ее.

— Ты что, дорогуша, пришел к нам во двор, а ведешь себя так плохо.

Все засмеялись.

Парень попробовал вырваться, но я держал его крепко.

— Пусти, — сказал он. — Вцепился, как паук.

— Нет, я не паук, я Муха.

Все опять засмеялись.

Он задержался еще сильнее. То ли он вдруг понял, что очень неудачно наварался, то ли слышал обо мне.

— Ну, пусти, — заговорил он просительным. — Слышишь?

— Вот и познакомились. Очень рад. Очевидно. — Я дернул его за руки, парень оказался на короткозах.

— Отпусти его, — проговорила Ленка.

Парню было очень неудобно сидеть на короткозах. Он посмотрел на меня снизу.

— Пусти. Я же шутил, слышишь?

Лучше бы он не говорил этого. Уже очень жалкий вид был у него. Даже бить расхотелось. Слизняк какой-то попался. И все это почувствовали, и девчонка больше не застывала.

Я не знал, что с ним делать. Может, врезать разок?

— Я шутил, слышишь? — скулил он снизу.

Но не отпускать же его просто так. Я огляделся по сторонам. И тут на глаза мне попала бочка из-под белил — у нас только закончили ремонт дома. Отличная мысль мелькнула в голове.

— Вставай, — сказал я и отпустил руки.

Он хотел сразу уйти.

— Постой. До угла дома пройдешь в наморднике.

— Каком наморднике?

— Да стой, говорят тебе. — Я опять надвинул ему кепку до подбородка.

Он пробовал снять. Но я сказал:

— Не трогай, — взял его за руку. — Идем.

Он не двигался.

— Идем, а то бить буду.

Я повел его к бочке.

— Стой.

— Пришли, что ли? — Он хотел было снять кепку.

— Намордник не трогай.

Ребята стояли, надрывали животики. Конечно, смешно: вместо лица серое пятно в мелкую клеточку.

Я заглянул в бочку — так и есть: на доннышке оставалась краска. Тогда я обмакнул палец и стал водить по его кепке. Нарисовал глаза, нос, прямую длинный рот.

— Фантомас! — закричали ребята и попадали от смеха.

Он с усилием снял кепку. Взглянул.

— Что ж ты... — проговорил он и осекся.

— Ступай домой, — сказал я ласково.

И он пошел.

— Фантомас! — кричали ему вслед и свистели.

Веселое получилось представление.

А на другой день я опять встретил Ленку.

— Здравствуй!

— Здравствуй, — ответила она.

— Что у тебя за книжечка? — Я выхватил книжку, которую она держала в руке.

«The Gadfly», — было написано на обложке. Надо же — английская книга!

— Ды... ды гад... — попытался я прочитать.

— Эз гэдфлай, — подсказала она. — Это «Овод». Читал?

— Читал. — Я вернул книгу. — И кино видел. Толковая вещь.

— А у тебя голуби толковые.

— Угу, — сказал я. — Хочешь посмотреть?

Мы полезли на крышу. Люблю, когда хвалят моих голубей. Мы смотрели на них сквозь проволочную решетку, а потом я достал ей одного, дал поддержать.

— Какой чудесный!

Для меня эти слова были как мед. Я совсем раздобрился.

— Запустишь хочешь?

— Хочу. А как?
— Очень просто.

Я показал, как нужно взять голубя, каким движением подкинуть.

— Сильно только не бросай.

— Хорошо, — сказала она и подкинула.

Голубь захлопал крыльями, пошел кверху. Я засвистел так, что задрожали в доме стекла.

— Ты меня оглушил, — засмеялась Лена.

— Могу еще сильнее. Хочешь?

— Не надо. — Она замахала рукой. Потом спросила: — А меня можешь научить?

— Пара пустяков. Легче всего в четыре пальца. Язык подгибаешь так. — Я показал. — Ну... Не так. Придержи зубами... Во! Теперь закладываешь пальцы и дуи.

У нее поначалу выходило какое-то шипение. Мы смотрели друг на друга, смеялись, потом я опять показывал. Она оказалась способной. Свистеть в четыре пальца научилась быстро. Но в два получалось еще неважно.

— Ничего, — успокаивал я. — Научишься.

Мы проторчали на крыше с полчаса, потом она сказала:

— Мне пора.

— Погоди, успеешь.

— Нет, пойду заниматься английским.

— Тоже мне занятие. А то посвистели бы еще. — Я улыбнулся.

— Нет, — сказала она серьезно. — В следующий раз. Спасибо.

Она шагнула к лестнице и вдруг увидела одну из моих фанерок.

— Ой, что за песик?

— Да так. — Я поспешил спрятать фанерку. Там был выжжен вислоухий щенок.

— Ну покажи, что ты?

— Чепуха, — сказал я. — Баловался, делал то нечего. — Но все же отдал ей фанерку.

— Какой славный.

Кроме физкультурника, меня никто никогда не хвалил. И теперь я готов был от смущения провалиться сквозь землю (вернее, сквозь крышу).

— Но мне больше нравятся, знаешь, какие собаки?.. — проговорила она.

— Какие?

— Лохматые-лохматые.

— Пудели? — спросил я.

— Пудели кудрявые, а не лохматые. Они мне тоже нравятся.

«Попробую сделать пуделя», — подумал я. Настроение у меня было отличное. Мне захотелось ее тоже за что-нибудь похвалить. Я вспомнил про ее английскую книгу.

— Послушай, а эту «Ды гэдфляй» ты сама читаешь?

— Сама. А что?

— Ну, ты даешь! Я думал, родители.

— Родители тоже знают английский. Мама переводчица. А определенный артикль ты не-

правильно произносишь. Нужно не «ды», а «зэ».

— У нас англичанка так говорит.

— Да ну тебя. Просто ты не можешь произнести этот звук. В русском его нет. Язык нужно чуть высунуть между зубами. Вот так.

Теперь я мучился со своим языком, а она говорила: нет, не так, слишком высунул, не прижимай его к зубам.

И опять мы смотрели друг на друга и смеялись.

— Вообще это чушь, — сказал я, насмеявшись. — Какая разница «ды» — «зэ». Меня из-за английского и так на второй год оставляют.

— Из-за английского? — Она посмотрела на меня с таким сочувствием, что мне вдруг впервые стало жаль себя. Действительно, сидеть второй год — удовольствие маленькое.

Мы подошли к лестнице, чтобы спуститься.

— Постой, — сказала она. — Хочешь, я буду с тобой каждый день заниматься?

— Ты?

— Ну да. Я же в английской школе учусь. Хочешь?

Я пожал плечами.

— Ну, говори. Что же ты молчишь?

— Не знаю, — сказал я.

Что она могла сделать? Я уже давно не брал в руки учебника. Все запустил.

Она раскрыла книгу.

— Почитай немного. Хотя несколько строк.

Запинаясь, я стал читать, а она меня поправляла. Мягко, даже как-то ласково. Но вот попало длинное слово, и я стал перед ним, как перед запертой дверью.

— Wonderful, — прочитала она. — Хорошее слово. Ты запомни. Значит — прекрасный, удивительный. Придумай с ним несколько выражений.

— Wonderful book,¹ — сказал я.

— Правильно, — обрадовалась она.

— Wonderful day².

— Молодец. Ну еще.

От похвал у меня даже голова закружилась. Больше я придумать ничего не мог.

— Wonderful summer. — Она улыбнулась. — Прекрасное лето.

— Да, — сказал я. — Wonderful summer.

— Будешь заниматься?

Я опять пожал плечами.

— Эх ты! — проговорила она. — Заранее сдался. Не знала, что ты такой слабовольный.

— Я?

— Кто же еще?

У меня прямо кулаки сжались. Никто не говорил мне таких слов. Никто не посмел бы. Но она смотрела на меня участливо, хорошо так смотрела.

¹ Прекрасная книга.

² Прекрасный день.

— Ладно, — сказал я, — давай.

Мы стали заниматься с того же дня. Возле голубятни на крыше стояла скамейка. Там мы и занимались. Мой учебник был для нее все равно что для меня букварь первоклассника. Мы читали уроки, писали упражнения, учили слова. Но больше всего читали.

Я забросил все свои дела. Даже голубей не гонял, только кормил их. Вернее, мы вместе их кормили. Это было для нас как перерыв, как переменка в школе.

Необыкновенные это были занятия. Может, поэтому они мне и нравились.

Но однажды Ленкина мать заметила, как мы спускались по лестнице.

— Лена, — подошла она к нам. — Зачем ты туда лазила?

— Учили английский, — сказала Ленка и засмеялась.

— На крыше?

— А что?

— С ума сошла. Идем домой.

Они пошли, а я остался возле лестницы.

— И вообще не встречайся с ним больше, — сказала мать, приглушив голос. — Это же хулиган. Муха. Его вся улица знает.

— Ну что ты говоришь! — возразила Лена.

— Не спорь со мной, я знаю, что говорю.

Мы все равно продолжали встречаться. Уезжали на канал и там на берегу складывали свои учебники и тетради. Май стоял жаркий, как лето. Мы даже купались. А потом опять начинался английский.

Этот проклятый учебник я не выпускал из рук. Я таскал его повсюду с собой, будто это была книга про Шерлока Холмса.

В восьмой класс я все же перешел. Англичанка спрашивала меня в присутствии еще двух преподавательниц. Целая комиссия. Оказалось, что я знаю на твердую тройку. Англичанка была очень удивлена, я еще больше.

Наступили каникулы. Ленка уехала на дачу, а я в деревню к тетке, только не на все лето, на месяц. Тетка считала, что меня и месяц вынести — уже подвиг.

Когда последний раз я виделся с Ленкой, она дала мне небольшую английскую книжонку.

— Почитай летом. Ты ее одолеешь, она легкая.

Сгоряча я хотел подарить ей пару голубей, но она сказала:

— Спасибо. Что я с ними буду делать?

Действительно, зачем они ей. И прилетят они сразу же ко мне. Вернутся.

Я подумал, что все равно что-нибудь ей подарю. Непременно. Завтра же. Только что? Ну как же — выжгу для нее пуделя.

Но назавтра она уехала.

И теперь, когда она опять появилась в Москве, произошел вдруг такой дурацкий разговор. «Не могу», «много дел», — вспоминал я ее ответы. Но я ведь успел сказать ей, что буду ждать. Она знает где. Там, где всегда. Недалеко от дома, у телефонной будки.

Я заготовил фразу: «I am very glad to see you!»¹ Это была правда. Я очень хотел увидеть Ленку. За пазухой у меня была фанерка с пуделем.

Время тянулось. Я уже больше часа стоял возле будки, а Ленка не выходила. Сам виноват: нужно было назвать определенный час. Но откуда же я мог знать, когда она освободится?

Прохаживаясь около телефонной будки, я то и дело поглядывал на ее подъезд. И все же я пропустил тот момент, когда она из него выходила.

Она шла не одна. Рядом с ней вышагивал какой-то парень в отутюженных брючках и сером свитере с красной полосой. На носу у него были очки, он что-то оживленно болтал, размахивал оглоблями и, по-моему, так увлекся, что ничего перед собой не видел.

«Так, так, значит. Дела!»

Я вышел из-за будки неожиданно и остановился перед ними.

— Здравствуй. Значит, прекрасное было лето? — сказал я. — Wonderful summer.

— Димка?.. — проговорила она и отвела глаза в сторону. — А мы, понимаешь...

Но тут она взглянула на меня открыто. Даже слегка головой дернула, словно что-то страшнуло.

— Да, лето было прекрасное. Познакомься. Это Миша. Он жил на соседней даче.

Миша улыбнулся, протянул руку.

— Мухин, — сказал я и сжал его руку.

Я сжал ее так, что этот парень с соседней дачи потянулся от боли, словно его дернули вверх. Лишь очки блеснули.

¹ Очень рад тебя видеть.

Резким движением я заломил ему руку за спину. Бедный Миша согнулся, чуть не сел на землю в своих отутюженных брючках. Я стукнул его коленом под зад и он, нелепо растопырив руки, пробежал несколько шагов.

— Мотай отсюда.

Он бросился на меня, смешно размахивая длинными руками. Но я увернулся.левой я дал ему под дых, правой — по скуле.

Он упал. Поднялся без очков, пошатываясь. Мне было смешно. Лицо такое обалдевшее. Я мог отлично его обработать. Явился бы домой как конфетка. Мои кулаки, они никогда не подведут. Но у меня не было злости.

— Мотай, пока не поздно, — сказал я ему. Миша нашел под ногами очки, нацепил. Одно стеклышко треснуло. Я думал, он потопает домой. А он, дурачок, двинулся на меня.

Я сжал кулаки, но стоял спокойно, только правый локоть отвел чуть назад. Он был уже совсем близко.

И тут ко мне метнулась Ленка. От неожиданности я чуть не ударил ее.

— Уйди, Муха! — закричала она. — Оставь его! Убирайся!

Она задыхалась, лицо ее было в красных пятнах, волосы сбились. Я никогда не видел ее такой. Даже не мог представить. Она готова была вцепиться в меня. Рвать, драť меня на мелкие клочки. Она была как дикая кошка. Как зверь, который защищает своего детеныша. Только этот Миша мало походил на детеныша. Он был на голову выше меня.

Я отступил. Как-то нехорошо стало мне. Просто паршиво. Она никогда не называла меня «Мухой», хотя, конечно, знала, что другие так зовут. И эта ярость, обрушенная на меня.

Драťся уже не хотелось. Я разжал кулаки. Пятна на Ленкином лице исчезли. Теперь оно было бледным. Очень красивым.

Миша стоял за ней. Губы его были сжаты. Глаза под очками горели.

«Повезло тебе», — подумал я.

Она повернулась к нему, вытерла платочком грязь со щек.

— Wonderful summer, — сказал я. И тут у меня выскочила эта самая фанерка с пуделем.

Она даже не взглянула ни на меня, ни на фанерку.

— The last day of the wonderful summer!

Я все понял. Последний день прекрасного лета, — сказала она.

Они уходили не спеша, спокойно.

Кулаки мои опять сжались. Но я словно прирос к месту, не мог шевельнуться.

«Последний день, — думал я, — вот он какой. Последний. Значит, другого не будет».

Впервые я чувствовал себя побежденным.

С фанерки смотрел на меня кудрявый пудель и высовывал язык.

СНЕЖИНКИ

Николай Алтухов

Рисунок А. Гавричкова

Взлетают над пригорками —
За виражом вираж —
И небо перечеркнуто
Тончайшею из приж.

Блестят их нити длинные
Над полем дотемна,
И белой паутиною
Земля оплетена.

Пронесются наскоками
Снежинки кувырком —
И стал я белым коконом,
Смешным снеговиком.

СУСЛЯН

РАССКАЗ

Э. Хахимов

Рисунки Н. Чарушина

Суслика бросили в спортивную сумку, верх которой стянули шнурком.

— Ну и сусян, — сказал мужской голос.

— Так и зовите его, — ответил кто-то.

Потом трясущегося от страха зверька везли в троллейбусе. Сусян попытался вылезти из сумки, но получил щелчок в нос и, два раза пискнув, перестал бороться за свободу. Почтенная дама оглянулась и на всякий случай отодвинулась от подозрительного гражданина с живой сумкой.

Потом суслик свернулся в шар, и его долго покачивало в такт шагам человека. Дома человек перевернул и тряхнул сумку, но суслик не хотел вылезать из своего убежища. Вися вниз головой, он изо всех сил цеплялся лапами за шершавые стенки сумки. Человек тряхнул еще раз, и Сусян, стукнув когтями, свалился на пол. Здесь он обхватил короткими лапами голову и застыл в горестной позе.

— Ну и зверь, — сказала женщина, — а он не чумной? Не заразит Иришку?

— Не похож на больного, — ответил мужчина.

Тут в комнату с визгом влетела Иришка:

«Где суслик, где суслик?» Увидев зверька, она затараторила еще быстрее: «Ой какой хорошенький, ой какой миленький. Папа, он у нас жить будет, правда? Как мы его назовем?» Затем она осторожно дотронулась до суслика носком туфли. От Иришкиного прикосновения Сусян сжался еще больше.

Его окружали незнакомые запахи. От книжного шкафа пахло коленкором, бумагой и типографской краской. Пол блестел, как вода, и был в ноздри резким запахом олифы.

Вскоре все разошлись. Сусян и сам не знал, притворялся ли он мертвым или страх сковывал его. Через полчаса он осторожно огляделся и начал еще быстрее принюхиваться. Шмыгнув в кухонную дверь, и здесь перед ним, между ножками кухонного шкафа, открылась темная полоса. Сусян влез туда и забился в угол.

Здесь и оборудовал он свое гнездо — натащил тряпья, бумаги, в центре всего этого устроил что-то наподобие норы. Теперь в случае опасности он нырлял прямо под шкаф и сердито пищал оттуда.

День начинался так: часов в пять, когда утренний сон был особенно сладким и крепким, в квартире раздавался пронзительный свист. Это Сусян, делающий обход своей территории, наткался на спящих и его охватывал испуг. В это время над диваном поднимались две заспанные головы и слышался сердитый разговор. Суслик замирал секунды на две, затем бежал в кухню. А мужчина по имени Венлас объяснял жене: «Понимаешь, многие звери просыпаются с восходом солнца и отправляются на поиски пищи. Сусян же не виноват в том, что природа создала его таким».

Самое интересное начиналось после того, как Иришка убегала в садик, а взрослые уходили на работу. Сусян, уже знакомый с обстановкой, бежал в Иришкину комнату, где жила черепаха Пашка, и съедал ее завтрак и обед. Делал он так, видимо, подчиняясь выработанным прежде жизненным обстоятельствам. В переводе на человеческий язык это не осознанное сусликом желание переводилось, пожалуй, так: быстро ешь чужое, свое еще успеешь!

Стоя на задних лапах, он передними подносил ко рту творог. Челюсти его при этом двигались быстро-быстро, резцы, привыкшие растирать твердую пищу, стучали друг о друга, и можно было подумать, что кто-то шьет на старой зингеровской машине.

Затем он поедал листья вьюнка и одуванчи-

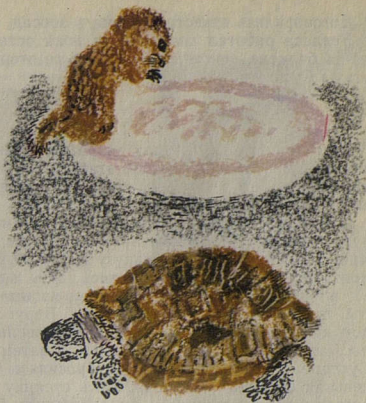
ка и, вернувшись в кухню, принимался за собственный завтрак.

День он проводил, пытаясь найти выход из квартиры, и при любом шуме мчался под шкаф. По пути в спасительное гнездо у него было несколько укромных уголков, где он мог переждать опасность. Но почти целый день он оставался хозяином трехкомнатной квартиры и за это время успевал столько натворить...

Сначала Суслян освоил подъем на подоконник. Взбирался он, опираясь спиной о батарею и перебирая лапами по шероховатостям стены. Стекло окна озадачило Сусляна, оно было прозрачным, безвкусным и без запаха. Он несколько раз тыкался носом в кажущуюся пустоту, и его подслеповатые глаза видели, как совсем недалеко летают птицы и качаются ветки тополей над зелеными газонами. Иногда в открытую форточку доносились запахи, напоминающие родное поле.

Однажды, вернувшись домой, жена Венласа обнаружила на полу расколотые горшки. Земля из них была раскидана по комнате. У сломанных цветов жалобно торчали голые корни. Больше всех пострадала традесканция, то, что еще оставалось от нее, старательно дожевывала голодная черепаха. Венлас с Иришкой отстояли суслика и на этот раз, ведь зверек доставлял и много приятных минут. Вспомнили, как смеялись они, впервые увидев и услышав, как Суслян расправляется с творогом. Что-то человеческое было в позе суслика, когда он, сидя на полу, лапами подносил еду ко рту.

Как-то Венлас принес пшеницы и высыпал на газету в углу комнаты. Суслян наткнулся на кучу зерна и обрадованно стал вытанцовывать что-то наподобие гопака, потом цыкнул на при-

ползшую черепаху и жадно стал набивать зерном зашечные мешочки, которые раздулись у него, как при двустороннем флюсе.

Коричневая шкурка лоснилась от частого туалета, бока округлились, и ходил он, переваливаясь и чуть косолапя. Ах, если бы еще не эти стены вокруг и не предательские стекла на окнах, Суслян чувствовал бы себя лучше. Он отводил душу, копаясь в цветах, и рыл нору в ящике с большим фикусом.

Рыжие шерстинки Сусляна жена Венласа обнаружила на кухонном столе рядом с надкусанным сахаром. Чаша терпенья переполнилась, когда следы его зубов появились на ножках серванта.

Договорились отнести суслика в зоосад, где у Венласа работал знакомый, а пока оставили на балконе, считая, что прыгать со второго этажа Суслян не решится.

Втягивая ноздрями запах двора, Суслян сидел на краю балкона. Выше этажом над ним полоскались на ветру простыни, еще выше — летали птицы, а внизу зеленели газоны.

Оттолкнувшись своими короткими лапами и руля хвостом, суслик прыгнул вниз. Травы немного смягчила удар, но минуту зверек лежал, приходя в себя. Над ним качались цветы и трава, в уши лезли резкие голоса играющих детей, лай собаки и шум автомобиля. Вдруг рядом кто-то фыркнул, совсем близко шевельнулась трава и заколыхались цветы, а затем на Сусляна с решительным лаем бросилась маленькая собачка. Она показала суслику огромный страшлищем, и он опрометью бросился бежать. Выскочив на асфальт, он мчался вдоль забора, выискивая какую-нибудь щель. Вдруг впереди выросла громада легкового автомобиля, из багажника которого только что вытащили большой рюкзак и несколько узлов с вещами. Суслян пулей взлетел на узел, с него — на рюкзак и, сделав отчаянный прыжок, забился в угол багажника.

Потом багажник захлопнули, и Суслян очутился во мраке. Его трясло от запаха бензина и резины. Хлопнула одна дверца машины, за ней другая, взвыл стартер, и зверька качнуло. Пошатываясь, он стал принюхиваться, надеясь уловить знакомый запах. Совсем близко заурчал мотор. Суслян оцепенел снова. Машина двинулась.

Через полчаса машина была уже за городом, в районе садов и дач, и ехала вдоль длинного забора. Здесь лопнул баллон — послышался звук, похожий на выстрел. Машина резко затормозила, остановилась.

Прошло немного времени, кто-то пнул ногой по колесу, затем со скрипом открылась дверь багажника, и на Сусляна с удивлением

установился мужчина. Позвал: «Лиля, иди скорей сюда!» Подошла женщина, взвизгнула и крикнула: «Выбрось скорей эту мерзость из багажника! Нам только крыс еще не хватало!» Мужчина рассмеялся. «Это не крыса, а суслик, — сказал он, — интересно, как зверь попал сюда?» Суслян показалось, что его сейчас схватят, и он свистнул. Мужчина посмотрел на женщину, сказал: «Давай довезем его до нашей дачи и там отпустим». «Ты хочешь, чтобы этот зверь перекопал весь твой сад, погрыз корни яблонь? — сердито сказала женщина. — Выбрось его немедленно!»

Мужчина осторожно взял зверька за шиворот и отнес к забору.

Запах чернозема, травы, шум листьев показались суслику спасительным щитом от опасностей, преследовавших его в течение всех этих дней. Не оглядываясь, он побегал между грядками моркови, по клубнике, вдоль кустов малины и крыжовника.

Постепенно Суслян стал приходить в себя. Он наткнулся на хлебную корку, закусил, поспал под каким-то ящиком. К вечеру двинулся в путь.

Суслян бежал все дальше и дальше в поисках привычных запахов, обещающих ему гнездо, общество себе подобных и отсутствие врагов.

К концу третьего дня он миновал сады и оказался на краю оврага. За оврагом стоял настоящий лес. Семена короткими лапами, Суслян ринулся вниз по склону. Измазавшись в глине, он перебрался на другую сторону оврага и побегал вдоль леса, предчувствуя, что где-то впереди расстилается поле и качаются на ветру колосья, набитые тугими зернами. Он бежал и бежал, втягивая ноздрями запахи, сулящие ему спокойствие, короткие радости и еще что-то уже почти забытое.

Он остановился на поляне, покрытой чудесной зеленой травой. Недалеко желтело поле. Суслян приподнялся на задние лапы и, подрагивая кожей, стал осматриваться. Потом он затрусил дальше и остановился перед отверстием в земле. Оттуда тянуло заброшенным жильем. Это была нора, настоящая нора.

Суслик нырнул в нее и впервые за много дней уснул спокойным и долгим сном.

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА

Знакомы ли вы с Энном Сийтамом, искусным следопытом и исследователем? Нет? Тогда непременно познакомьтесь. А живет он в книге эстонского писателя Яана Раннапа «Последний орлан — Белое перо», выпущенной издательством «Детская литература». В Эстонии на республиканском конкурсе на лучшую книгу эта повесть была удостоена первой премии.

...Шагая по лесной тропе, Энн заметил впереди себя странного мальчишку лет тринадцати, который то задира голову вверх, то стучал по стволу дерева, то в задумчивости брел по тропе. Энн начал следить за незнакомцем, но тот куда-то скрылся и вдруг оказался позади Энна. Он поступил, как уссурийский тигр: чувствуя, что его преследуют, сделал крюк и пошел сам за охотником. Об этом Мардус — так зовут второго мальчишку — когда-то читал.

На книжных полках детских библиотек появилась книга с необычным названием: «Птичий сторож». Кто же этот птичий сторож? Про что книга? Если судить по обложке, на которой изображена ранняя весна, голубой снег, проталинки, стволы березок, лошадь, впряженная в сани, можно предположить, что книга эта про деревню, про весну. Действительно, она рассказывает о жизни деревенских ребят.

Читателям «Костра» писатель Алексей Леонов хорошо знаком по повести «Ленька-садовник», напечатанной в журнале в 1971 году. В сборнике у нее другое название — «Летние вечера». А вот с рассказами и второй повестью вы познакомитесь впервые.

Повесть «Первый бригадир» рассказывает о подростке по имени Ан-

Потом мальчики крепко подружились, их связала тайна — тайна поиска гнезд последних орланов, самых больших птиц в Северной Европе. Их осталось совсем немного — считанные единицы.

Много сил и энергии затратили ребята, прежде чем обнаружили гнездо последней пары орланов. И потребовалось немало мужества и изобретательности, чтобы спасти от голода осиротевшего птенца орланов. Ведь гнездо оказалось за десятка километров от дома Мардуса и Энна, и к тому же — на вершине огромной сосны. А каким надо было быть ловким и осторожным, чтобы сохранить все в тайне!

Читая эту книгу, вы не раз улыбнетесь, потому что пишет Яан Раннап не только увлекательно, но и с юмором, особенным, неповторимым — проверьте-ка!

В. Мороз

дрей. Когда в трудные военные времена мужиков в деревне стало совсем мало, председатель колхоза поставил Андрея бригадиром. Нелегкое дело принял он на свои плечи, но выстоял против всех трудностей. Еще вчера озорной мальчишка, сегодня уже стал хозяином в колхозе.

Все рассказы посвящены жизни колхозных ребят, полной событий и приключений, незнакомых горожанам. Здесь и рассказ о встрече в ночном с волком, и тепло написанный рассказ о деревенском почтальоне, и рассказ о защитниках природы, «птичьих сторожах», враждующих с разорителями гнезд.

Писатель Алексей Леонов вырос в деревне. Ему близка колхозная жизнь, и люди, и природа. Он знает и любит их, и это чувствуется в каждой строке.

М. Нарышкина

Галина Левашова, автор увлекательных книг «Твой друг музыка», «Рассказы из музыкальной шкатулки», «Музыка и музыканты», «Второе рождение музыки» и «Музыкальные вечера», написала новую книгу — «Главный герой». На обложке портреты пяти выдающихся русских композиторов: Мусоргский, Глинка, Бородин, Кюи и Римский-Корсаков. Кого же из них автор сделал главным героем? Нет, оказывается, речь пойдет о Владимире Васильевиче Стасове. Чем же примечателен этот человек, чье имя вы, возможно, слышите впервые!

Стасов прожил долгую жизнь. Ему было тринадцать лет, когда умер Пушкин, и к нему же, уже глубокому старику, А. М. Горький привел застывшего поэта-подростка Сакуила Маршак. Впоследствии вспоминая о своих посещениях Петербургской публичной библиотеки, где работал Стасов, Маршак писал: «Кого только я не видел здесь, на этой стасовской дозорной вышке». С этой-то вышки

«дозорный русский искусства», как справедливо называет его Левашова, «высматривал» все, что было интересного, талантливого, нового в русском искусстве, живописи, литературе и особенно в музыке. Он лично знал Глинку, Серова, Мусоргского, Римского-Корсакова и других замечательных композиторов, писателей, художников. Со многими дружил, многие обращались к нему за советом и помощью.

Повесть о жизни Стасова — это рассказ о первых представлениях известных русских опер, о спорах друзей и врагов передового искусства, о петербургских музыкальных кружках, о прекрасных певцах и музыкантах — обо всем, из чего складывалась жизнь искусства на протяжении десятков лет. Автор умеет сделать вас, читателей, свидетелями и участниками давно минувших событий. Эту книгу надо прочесть вдумчиво, не торопясь.

*В. Макарова
Оформление А. Януса*

А. ЛЕОНОВ
ПТИЧИЙ СТОРОЖ

ЛОСЕНОК

Браконьер выстрелил из-за куста и, подбегая к убитой лосихе, понял, почему она не успела уйти: около нее качался на тоненьких ножках лосенок.

Родившийся всего лишь несколько дней назад, он ничего не понимал, несмышлениш, и доверчиво тянулся мордочкой к браконьеру, будто это пришел его спаситель, а не губитель.

Лосенок еще не знал, что на земле добро и зло — рядом.

П. Дудочкин

Раздел ведет писатель Н. Сладков
Оформление Н. Чарушина

В МИРЕ РАСТЕНИЙ

РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

И у деревьев, как у людей, характеры разные. Есть натуры открытые, а есть такие замкнутые — не подступишься!

Вот клен, например. Он первым из всех деревьев чувствует приближение весны. Внутри уже весь размяк от предчувствия теплых дней, уже полон сладких жизненных соков. А поди догадайся! Стоит как вкопанный, воздевает к небу голые ветки с сухими и жесткими почками. Сухарь сухарем!

Совсем другой характер у вербы. Навестите ее в марте, даже не в марте, а еще в феврале. Кусты с голой утончили в сугробах, одни концы прутьев торчат. А верба не унывает, она уже почувствовала, что зима к концу. Ведь солнце уже легко превращает колючую изморозь на ее ветвях в светлые капли воды. И верба так обрадовалась еще далекой весне, что сразу же скину-

ла в ее честь все мрачные черные колпачки со своих белых пушистых почек. И стоит красавицей в свежем весеннем наряде наперекор зиме! Вот такой характер мне по душе.

Н. Павлова

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

СЫЧ

Жил-был в лесу Сыч: лапы цапучие, глаза завидучие. По ночам разбойничал, днем прятался в густых ветках. Но пришла осень, ветер-листовер все листья содрал — негде стало прятаться.

— Надо дупло искать, — решил Сыч. — Зима на носу.

Нашел дупло, стал в дупле жить. Что теперь ему зимние холода! А если еще мышь про запас сколотить, так и зимний голод не страшен.

Скогтил жирную мышь, положил в дупло. Хороша мышь, вот бы еще такую! Еще скогтил — и опять в дупло.

— А теперь, — разохотился, — в самый раз синицу поймать!

Синицу поймал, сунул в дупло. Землеройку придушил. Птичку-пищуку. Потом птичку-короля. Напоследок воробья придавил. И всех затолкал в дупло.

— Заживу теперь в сытости и тепле!

И хотел было в дупло спрятаться. Да глядь, а места-то в дупле нет! Доверху оно припасами забито, голову и ту не втолкнуть.

Сел рядом с дуплом на сук голый: перья от ветра дыбом, на носу дождевая капля. Что делать?

Другое дупло искать — трудов жалко. Припасы выбросить — добро жалко. Рядом с дуплом зимовать — себя жалко.

Стал Сыч у дупла жить, добро сторожить. Худо ему: и дом есть, и припасы есть, а радости нету.

Н. Сладков

НАС СПРАШИВАЮТ:

как был сделан снимок дятла, напечатанный на „зеленых страницах“ „Ностра“ № 6 за прошлый год?

ВОТ КАК!

На коряжистом дереве работала желна — черный дятел. Птица эта серьезная, работающая и любопытная.

Дятел увидел меня — притих. И спрятался за корявый ствол. Мне не видно его, ему не видно меня. Но, может быть, я ушел?

Начал он осторожно выглядывать из-за ствола. Сперва высунул только нос, потом белый глаз. Только я поднял фоторужье — дятел спрятался. Тогда я пошел вокруг дерева. Иду, иду, а дятла все нет! Вокруг обошел — нету дятла! Улетел, что ли, незаметно? Нет, опять высовывает любопытный нос...

Вздумал со мной в прятки играть: я вокруг дерева, и он вокруг по дереву! Ну, погоди же...

Я пошел быстрее. А дятел от меня винтом по дереву тоже все быстрее, быстрее. Разогнал я дятла, а сам — раз! — и бегом назад. Тут мы и встретились. Растерялся дятел. Я поскорее вскинул фоторужье и «подстрелил» его. Вон он какой!

А. Лухтанов

В МИРЕ НАСЕКОМЫХ

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Лесной пожар может вспыхнуть от одной искры. И тогда всем беда: деревьям, кустам, муравейникам.

Однажды я видел, как язычки пламени начали карабкаться на муравейник. Все его население высыпало наружу. Смелчаки набросились на огонь, брызгая в него кислотой. Но муравейник разгорелся все больше и больше, пока от него не осталась глубокая яма, заполненная красноватым пеллом, окруженная земляным валиком.

Муравьи-погорельцы сбились в одну кучку. Выглядели они странно: у каждого было почему-то сильно вздувшееся брюшко. И как они ухитрились спастись?

Толстобрюхие муравьи — это хранители пищевых запасов муравейника. По муравьиным законам, самкам и хранителям пищи не положено защищать и спасать жилище. Во время пожара они были глубоко под землей и потому остались живы. Теперь им предстоит восстанавливать муравейник.

Много пройдет времени, прежде чем сквозь черный пепел пробьется трава и опаленные деревья залютят ожоги смолой. Но еще больше пройдет времени, пока погорельцы заново — ценою огромных трудов и усилий! — отстроят новые муравьиные кучи и снова смогут взяться за охрану леса от насекомых-вредителей.

П. Мариковский

ПОЧТА ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ

«Зеленые страницы», вы печатали небольшой рассказ «А у нас говорят...». Там написано, что о некоторых животных рассказывают байки. Дескать, «ворон мертвый на дворе, так быть беде». Я слышал байку о пауках: «Сорок убитых пауков прощают сорок грехов». И поэтому пауков убивают. А зачем убивать пауков, если они приносят пользу?

Желанкин Николай, Москва

Дорогие «Зеленые страницы», пожалуйста, объясните мне, что это за растение и каким лекарственным свойством оно обладает?

Оля Шестакова, рудник Ново-Акатуй

Примечание КОСТИ ТЕРКИНА. Оля хорошо зарисовала растение, я сразу его узнал. Это репейник, он же дурнишник, он же лопух, он же чертополох и так далее, — различные его виды называются по-разному, но у всех есть шишечки-плоды, очень цепкие, всем нам знакомые. Из корней репейника делают репейное масло, оно используется как средство ухода за волосами.

ПЕСНЯ О СЫНЕ ПОЛКА

1.

А все это было не так уж давно:
Мальчишка войну увидел не в кино.
Взметнулась пожаром она не во сне —
Он сам оказался на этой войне.

Дорога к победе была нелегка,
Но храброе сердце у сына полка.
Шинель затянул он солдатским ремнем,
А галстук у сердца пылает огнем.

Припев:

Суровая память, назад оглянись:
Играет тревогу, ты слышишь?
Тревогу играет горнист.

И зная в атаку бойцов повело,
А храброе сердце огнем обожгло.
Качнулся мальчишка у всех на виду,
А галстук, как зная, пылал на ветру.

Припев:

Бессмертье героям недаром дано.
А все это было, а все это было
не так уж давно.

3.

Над братской могилой березка шумит,
Не верится нам, что мальчишка убит.
Мальчишка в сердцах пионерских живет,
Ровесников наших на подвиг зовет.

И с песней проходит дорогой отцов
Отряд красногалстучных смелых бойцов.
И каждый клянется Отчизну любить
И верным защитником Родины быть.
Ведь если в бою погибает герой,
На смену ему подрастает другой.

Музыка

В. Запольского

Слова

В. Шумилина

2.

В неравном бою батальон окружен.
И пулею был знаменосец сражен.
Но зная не может достаться врагу, —
Мальчишка его подхватил на бегу.

В ТЕМПЕ МАРША

1. А всё э-то бы-ло не так уж дав-но: Маль-чиш-ка вой-ну у-ви-
-дал не в ки-но. Взмет-ну-лась по-жа-ром о-на не во сне. Он сам о-ка-зал-ся на э-той вой-не. До-ро-га и по-бе-де бы-
-ла не-лег-ка. Но храб-ро-е серд-це у сы-на пол-ка. Шин-ель за-тя-нул он сол-дат-ским рем-нем. А гал-стук у серд-ца пы-
-лал от ог-нем. Су-ро-ва-я па-мять, на-зад ог-ля-ни-сь: Иг-ра-ет тре-во-гу Ты
смы-шишь, тре-во-гу иг-ра-ет гор-нист! 2. Не- быть,
Ведь ес-ли в бою по-ги-ба-ет ге-рой, на сме-ну е-му под-раст-та-ет дру-гой

СООБЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКОВ ОТРЯДОВ

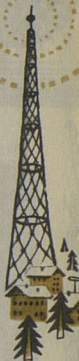
«Мы живем на берегу Зеи. Зея впадает в Амур, Амур — в Тихий океан. На Амуре много островов. На одном мы часто бываем и готовы к его исследованию летом. Этот остров — Белоояровский. Около города Зея на берегу стоят приборы для измерения температуры и уровня воды».

Отряд «Грозный-12» (АС-44),
начальник Володя Акулин

«Если на карте нет компасных направлений, она может быть составлена в начале 17 века. К походу готовы».

Кудриков, начальник отряда
«Потемкин-6» (АС-60)

«На старинной карте, напечатанной в «Костре» № 1, — Баренцево и Белое моря. Восемьсот лет назад их считали одним морем и называли «Студеное море».

Отряд «Знаменосцы» (АВ-04),
начальник Кирилл Ребров

«Штабу экспедиции «Гидрограф». Срочно. Не могу на карте найти Гусиную Землю».

Сергея Мухин, отряд «Дружба»

«Командиру отряда «Дружба». Полуостров Гусинья Земля находится под 71°30'СШ и 52° ВД».

Картографический отдел
штаба экспедиции «Гидрограф».

А это наш отряд.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

По дороге к Гусиней Земле затерялся отряд «Искатель-2» (АГ-02). Последняя радиграмма начальника отряда Вити Коваленко принята радиостанцией штаба не полностью. Вот ее текст:

РАДИОГРАММА

...правляясь к Земле, оставили к ру Пионер архипелага.....
Земли с пути компас Неверное нам бедствие в
..... бывшей Ма..... И нашли топор и бусы Бориса Годунова
..... Искатель-2»

ШТАБ ЭКСПЕДИЦИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Доложить, какие географические районы и пункты упомянуты в радиограмме.
2. Начать поиски исчезнувшего отряда «Искатель-2» (АГ-02), выделив для этого поисковые партии от каждого отряда экспедиции.
3. До 1 апреля оборудовать походные станции синоптиков, в которых иметь: барометр, термометр, указатель направления и силы ветра. Какие показания этих приборов предвещают улучшение погоды зимой и летом? 1 апреля в 12.00 по московскому времени на местах расположения отрядов снять с приборов точные показания.

Записи выслать в штаб экспедиции.

НА КОНВЕРТАХ ПИСАТЬ:
«ЭКСПЕДИЦИЯ ГИДРОГРАФ»

МОРСКАЯ ПЕЧАТА ГАЗЕТА

Выходит
по редкой
капитала
второго
яруса
С. Сазарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 17-й

РАЗГОВОР СО ЛЬДАМИ

В кат-компании «Морской газеты» рассказывает Иван Дмитриевич Попов, начальник экспедиции Северный полюс-1, дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал в отставке, а ныне доктор географических наук, начальник отдела экспедиционных работ Академии наук СССР.

— Многие считают, что льды — это безмолвие. А знаете ли вы, что льды разговаривают? Нендо только уметь их слушать. И если уметь, то сможешь точно предсказать погоду и указать путь кораблям во льдах.

Мы не умели... Именно поэтому и была организована тридцать пять лет тому назад экспедиция Северный полюс-1. Двести семидесять человек провела я и мои товарищи — Кренкель, Ширшов, Федоров — на дрейфующей льдине.

В нашей палатке — минус двенадцать градусов, снаружи — минус сорок пять. Пурга раскачивает палатку. Умолю даже нас верный пес Веселый, которого мы прозвали так за добрый и неунывающий характер.

А мы работаем, делаем замеры глубин, изучаем структуру льда, направление течения...

С тех пор многое изменилось. Прежде всего само понятие Северный полюс. Северный полюс — это центр Ледового океана. Его изучение необходимо для освоения Северного морского пути. А без этой работы невозможно прокладывать ледовые трассы. Сейчас из Мурманска во Владивосток мы идем своим берегом. А когда-то, скажем во времена русско-японской войны, приходилось совершать чуть ли не кругосветное

путешествие. Во-вторых, освоение Северного морского пути имеет огромное народнохозяйственное значение. Сколько богатств обнаружено на Севере! Золото, Маганада, олово Норильска... И теперь мы можем прийти к ним морем.

Не подумайте, что Северный полюс — это просто глыбы льда. Глыбы, да не одинаковые. Есть районы малых, разрезанных льдов, а есть и свои непроходимые джунгли. Но наши ледоколы, такие как «Ленина», «Москва», — проникают далеко во льды Ледовитого океана. Есть самолеты-разведчики. Они облетают ледовое пространство и сообщают ученым сведения о направлении движения льдов и их размерах. Помогают повярянкам и вертолеты. Разломится льдина — переправят на другую. Палатки утеплены, удобно оборудованы. Полные обсерватории оснащены новейшими приборами. Во льдах работают метеорологи, астрономы, морские археологи. Изучают направление ветра, погоду, морское дно. И все-таки Север предстоит еще изучать и изучать. После нашей первой экспедиции было послано еще двадцать. Сейчас ведет разговор со льдами СП-21. Думают, что останется работы и на вашу долю, ребята.

Учитесь! И еще учитесь работать... Будете ценными и преданными делу Ленину.

ВАШ

Иван Попов

ДЕЛА КЛУБОВ ЮНЫХ МОРЯКОВ

1. Клуб у нас маленький. Нас всего шесть человек. Учим азбуку Морзе, знаем флажный semafor и собираем морскую библиотеку. Самое главное — на доске построили на земле корабль, с рубкой и мачтой, на которой поднимаем флаг нашего клуба. С нетерпением ждали начала экспеди-

ции «Идиорафа», теперь наш клуб стал отделом «Юных моряков».

Капитан Толя Гапка, с. Учим Ужурского района

2. С морским приветом к Вам Михаил Попов!

Сообщаю, что ребята, вожатая и директор школы заинтересовались де-

лом создания морского отряда. В отряде будут заниматься ребята 6—7 классов. Специальности: радист, рулевой-сигнальщик, моторист. На левом рукаве форменки у нас будет нашив лав МО — морского отряда.

Меняем сев отрядом побывать в Ленинграде.

г. Кура Челябинской обл.

Письмо из Польской Народной Республики

Нам пишет Кристина Салора из Вроцлава:

«Дорогая «Морская газета»! Я учусь в пятом классе гимназии. Люблю читать ваши рассказы и заметки конкорю. Я тоже хочу быть моряком с изобретением корабля и нежного рассказу о них. На первой марке — старейший корабль, известный каждому поляку — барк

ход — «Стефан Батория». На нем проходят практические курсы морских училищ. Он продавал уже немало учебных рысов и совершил кругосветное плавание. А на второй марке — современный турбо-рейс, который он обычно совершает, — очень интерес: Гдыня — Куксхаген — Лондон — Монреаль — Нью-Йорк — Коннектикут — Гдыня. И этот путь «Стефан Батория» проходит за двадцать семь дней...»

С уважением Кристина»

ПЕСНЯ ДИКА СЭНДА

Вольф Суслов

У Дика Сэнда за спиной
Лишь палуба со шкенцами.
Кружатся звезды над волной
Летучими голландцами:
— Эй, капитан, держи ответ
Над грозною пучиной!
Пускай тебя пугающий лот,
Коль надо — будь мужичиной!
Имеет большое значение
Послать человека в приключение!
Пускай ничего не известно,
Пускай ничего не понятно,
Но это ведь так интересно:
Саму самого испытать!
Куда пойти — сумею найти.
Отвага стоит дорого.
И если нет нигде пути —
То это тоже здорово!
Опасно — пусть! И страшно — пусть!
И ночь тысячеклазна!
А ты не трусь! А ты не трусь!
И янде не показывай.

НА МАЛЕНЬКИХ ОСТРОВАХ

(Продолжение, см. «Костер» № 1)

На маяках свои собственные электростанции. Две-три дизель-генератора. Если дизель-генераторы выйдут из строя, то даст ветрик. Крутятся пропеллер на ветру, вращается ротор, вырабатывается электроэнергия. Если ветрик сплывет! На некоторых маяках есть и еще один тип электростанций — солнечные батареи. Такие же почти, как на искусственных спутниках Земли.

Ток собирают аккумуляторы, потому что мощные маячные лампы, которые дают яркий и далеко видимый свет, работают от постоянного тока, от аккумуляторов.

Сколько же человек работает на маяке! Четыре человека. Каждый в свою смену. Дел у маячника хватает. Он и дизель-генератор обслуживает, и за подзарядкой аккумуляторов следит, и на радию дежурит. Он должен успеть и обед приготовить, и дров на зиму напилить, наколоть.

А если над морем туман, корабли и не заметят огонь маяка. В таких случаях маячник включает наугусто, этот прибор подает звуковые сигналы.

Окончание следует

Этот лосозов для нас нарисовала Гая Саломалова. Гале 13 лет, живет она в Свердловске.

ШАШКИ К БОЮ!

КОННИЦА МЧИТСЯ НА ВРАГА

По фильмам о гражданской войне вы хорошо помните лаву — громадный поток конницы, с обнаженными клинками несущейся навстречу противнику. Она и впрямь лавата — так она грозна, так раскалилась азартом и отвагой атаки.

В прошлом, правда, лавой устремлялась на врага только казачья конница. А регулярная русская кавалерия атаквала врага иначе — плотным, сомкнутым строем.

Сомкнутый кавалерийский строй рассыпался и превратился в лаву с тех пор, как на полях сражений заговорили пулеметы. А во время граждан-

ской войны к тому же было просто некогда обучать строю каждого красного конника. И наша кавалерия двинулась на врага лавой, охватывая и сминая фланги противника.

Кавалерийский бой всегда короток. В этом мгноленном, летучем поединке побеждают те, кто отважнее, те, у кого выдерживают нервы в миг, когда навстречу карьером или бешеным полемым гололом несутся вражеская кавалерия. Тот, кто повернул, — проиграл, его настигают и бьют. Если же (что бывает редко) обе конницы сшибаются лоб в лоб, бой распадается на множество отдельных схваток, кавалерийских «дуэлей». Тогда исход битвы зависит от личной смелости каждого всадника и от его умения владеть пикой и шашкой.

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ГОРЯЧИХ ЛЕТ

Каково же оно, это оружие, остро и доблестно сверкавшее в руках у красных конников, у легендарных героев — Котюцкого, Дулиди, Чапаева?

Чаще всего это шашка образца 1861 г. К тому времени она успела отслужить в русской армии более тридцати лет — и почти полностью вытеснила за эти годы саблю, которая после 1861 г. осталась только у некоторых видов кавалерии — у гусар и улан, да и

то в качестве парадного оружия.

У сабли были увесистые металлические ножны и широкая, развита гарда — дужка на эфесе, предназначенная прикрывать руку от удара вражеского клинка. На шашках эта дужка сохранилась, но стала тонкой и узкой, — словно как бы воспоминанием о солидной саблевой гарде. А казачьи шашки вообще обходились без гарды. От шашек регулярной кавалерии они отличались еще и тем, что наверху эфеса у них напоминало птичий клюв.

Не надо удивляться, если на старых фотографиях вы увидите у красных конников шашки другой формы. В годы гражданской войны шло в дело любое оружие, какое только можно было найти. Воевали даже старые парадные шашки царской армии, даже старинные, дедовские, добытые в бою еще во времена кавказских войн XIX века. Вместе с этим трофейным оружием казавы когда-то принесли в Россию самое слово «шашка» — оно кавказского происхождения.

Шашек — участниц гражданской войны очень много, и любая из них — со своим «характером». Стройные и горделивые, с осянкой хищных птиц; плотные и солидные, как бы крепко уверенные в себе. Разукрашенные восточными узорами, эмблемами, фигурками

СИМВОЛ СМЕЛОСТИ

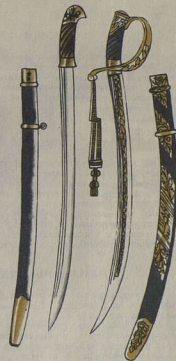
В 1927 г. в нашей стране было введено единообразное вооружение для кавалерии. Шашка образца 1927 г. очень схожа со своей предшественницей — шашкой 1861 г. Но наверху ее эфеса украшено эмблемой победившей Красной Армии — пятиконечной звездой.

Эти шашки сражались с басмачами в Средней Азии. Верно служили нашим кавалеристам в годы Великой Отечественной войны, соседствуя сначала с карабином, а в конце войны — с автоматом.

Сейчас славная служба шашки вознаграждена тем, что она стала почетным оружием полководцев и начальников Советских Вооруженных Сил. Наградная шашка 1967 г., как и шашка 1927 г., имеет длину клинка 80 сантиметров, ширину 14 сантиметров. Украшена она золотыми дубовыми листьями.

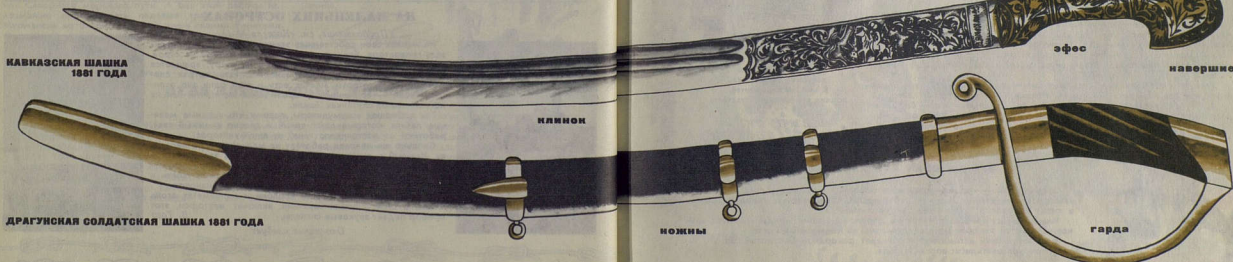
Эта шашка — парадное символическое оружие. В наши дни она воплощает традиции воинской доблести, бесстрашия и удачи. Она словно еще помнит, слышит знакомый крик: «Шашки к бою!»

Р. Сот, Н. Слепакова
Рисунки А. Иванова

Советские шашки
образца 1927 года
и 1967 года (наградная)

всадников. Разные — они делали одно дело. Они помогали красной коннице одержать победу над белоохранскими и интервентами.

КАВКАЗСКАЯ ШАШКА
1861 ГОДА

ДРАГУНСКАЯ СОЛДАТСКАЯ ШАШКА 1861 ГОДА

ГОЛУБИ В СВОЕМ ДВОРЦЕ

Считается, что самые страстные любители голубей живут в Польше. Во Вроцлаве они построили Дворец голубоводов, единственный в мире. В залах Дворца — постоянная выставка голубей различных пород, организованы консультации специалистов, даже проводятся конференции голубоводов по обмену опытом. Здесь же работают птичьи магазины.

ВОДА ПО СИГНАЛУ

Под закрытый кран сунули кастрюлю, и сразу побежала вода. Кастрюлю убрали, и вода перестала бежать.

Новые краны, снабженные фотозлементами, сконструировали польские инженеры. Как только под краном появляются руки или любой предмет, направленный сигнал, который фотозлемент посылает на раковину, прерывается, и сейчас же срабатывает включатель воды.

Этот кран позволяет экономить воду. И не только. Он очень удобен в больницах и поликлиниках, ведь к нему не надо прикасаться, и, значит, через кран не будет передаваться инфекция.

ПОМИДОРЫ СТАЛИ ПЛОВЦАМИ

Помидоры доставляют множество хлопот не только тем, кто их выращивает, но и тем, кто их доставляет из совхозов и колхозов на прилавки магазинов.

Чем сочнее помидоры, тем нежнее и тоньше их кожица, тем труднее их перевозить. При обычной упаковке в деревянные ящики каждый третий помидор получает повреждения.

Остроумный выход из этого положения нашли на Крымском консервном комбинате Краснодарского края: помидоры стали загружать в автомобильные цистерны с водой. Плавающая в холодной воде, помидорины не бьются, не мнутся и остаются свежими. И разгружать такие цистерны очень легко — стоит лишь открыть нижний люк.

Оформление А. Януса

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ДОРОГИ

Ленинградские инженеры-дорожники вместе с химиками создали эпоксид, легкий и прочный материал из битумов и эпоксидных смол. Эпоксид похож на резину и такой же упругий. Асфальт трескается от перемены температуры, а эпоксид — нет. Пятнадцатипятидвумиллиметровый слой нового материала заменит асфальтовую мостовую толщиной в пять сантиметров. Эпоксидная дорога может быть любого цвета, а не только серого.

Первым испытательным полигоном для нового материала стал мост через реку Красненькую в Ленинграде. Вторым будет Гренадерский мост.

А как сопроводят эпоксид трению автомобильных шин? Об этом расскажет еще один опыт. В Ленинграде, на площади Мира, шашечки, которые указывают пешеходам место перехода, нанесли на проезжую часть улицы не белой краской, а белым эпоксидом.

Всемирное изображение
всех видов технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ЗУБНОЙ ВРАЧ ДЛЯ ЭКСКАВАТОРОВ

Экспаваторы — машины мощные и работающие, однако у всех типов экскаваторов есть слабое место — зубья ковша. «Вгрызаясь» в твердую землю, в толщу минералов, зубья очень быстро стираются.

Инженеры из Брянского института дорожных машин придумали специальное устройство, которое наплавляет металл на изношенные места.

Автоматический «стоматолог» обладает рекордной быстротой. За час он реставрирует шестьдесят восемь зубьев.

Сказку для театра Уголька перепишите в тетрадку и только потом вырезайте кукол. Кукол берегите! Они пригодятся вам для тех маленьких пьес, которые мы еще напечатаем и которые вы придумаете сами.

Представление разыгрывайте примерно таким способом, как показано на рисунке: двигая кукол с помощью раздвоенных на концах прутиков. Или еще как-нибудь — фантазировать разрешается сколько угодно!

Не забудьте написать Угольку, как прошло представление, кто его смотрел и понравилось ли оно зрителям.

ТИГР И КОЗЛЕНОК

(ПО МОТИВАМ СКАЗОК ИНДОКИТАЯ)

На дереве сидит ОБЕЗЬЯНА. Мимо проходит ТИГР.

ОБЕЗЬЯНА: Эй, тигр! Ты, я вижу, голоден!

ТИГР: Да как всегда.

ОБЕЗЬЯНА: А почему бы тебе не съесть буйвола?

ТИГР: Съесть буйвола? Это было бы, конечно, неплохо.

Но ведь мы с ним старые друзья.

ОБЕЗЬЯНА: Зато он ест все время свежую траву, а ты ходишь голодный.

ТИГР: Это правда. Но у буйвола к тому же острые рога. Я боюсь на него нападать.

ОБЕЗЬЯНА: Тебе вовсе не обязательно нападать на него с той стороны, где у него рога.

ТИГР: Как это?

ОБЕЗЬЯНА: Напади на него сзади, и он ничего не сможет поделать.

ТИГР: Спасибо тебе за совет. Я подумаю.

Навстречу ТИГРУ выходит БУЙВОЛ.

ТИГР: Здравствуй, друг.

БУЙВОЛ: Здравствуй, дружище.

ТИГР: Скажи мне честно: если я захочу тебя съесть, например, и нападу на тебя спереди. Ты меня задержишь рогами? Не правда ли?

БУЙВОЛ: Конечно, заколю.

ТИГР: А если я подкрадусь и нападу на тебя сзади? Ты ведь не сможешь меня задержать?

БУЙВОЛ: Пожалуй, что не смогу.

ТИГР: Прекрасно! Я подкрадусь и нападу на тебя сзади и притом тогда, когда ты меньше всего будешь этого ожидать!

БУЙВОЛ: А для чего?

ТИГР: Для того, чтобы тебя съесть.

БУЙВОЛ: Понятно. Значит, когда ты собираешься на меня напасть?

ТИГР: Точно я тебе сказать не могу. Хочу, чтобы это было для тебя неожиданностью. Но и откладывать надолго не вижу причины. Ты согласен со мной?

БУЙВОЛ: В общем, согласен. Но я хочу еще поговорить с другими, посоветоваться.

ТИГР: Что ж. Правильно. Поговори. Посоветуйся. А я пошел. До свидания. Желаю тебе всего хорошего, дружище.

ТИГР уходит. Навстречу БУЙВОЛУ выходит КОЗЛЕНОК.

БУЙВОЛ: Слушай, козленок. Что ты мне посоветуешь? Тигр хочет меня съесть.

КОЗЛЕНОК: Это его подговорила обезьяна, которая всегда сидит на дереве и не знает, чем заняться. Но я тебе помогу. Ешь спокойно траву и смотри, что будет.

ГОЛОС ОБЕЗЬЯНЫ: Ну и дурак же ты, тигр! Зачем ты предупредил буйвола? Теперь с ним днем и ночью пасется козленок и смотрит, чтобы ты не подкрался сзади!

ГОЛОС ТИГРА: Что же мне теперь делать?

ОБЕЗЬЯНА: Съесть сначала козленка.

Из лесу выходит ТИГР.

КОЗЛЕНОК: А! Кого я вижу! Тигр! Наконец-то ты пришел! Я рад, что мне не нужно тебя разыскивать! Я давно хотел проверить, правда ли, что из усов тигра можно сделать прекрасную кисточку для украшения головы и отпугивания москитов? Подойди-ка поближе, я оторву у тебя усы!

ТИГР: Не подойду!

КОЗЛЕНОК: Не подойдешь?

ТИГР: Не подойду!

КОЗЛЕНОК: Ну тогда я сам к тебе подойду!

ТИГР: Нет! Нет! (Убегает)

БУЙВОЛ: Здорово ты его напугал.

КОЗЛЕНОК: Погоди. Это еще не все. Слышишь?

ГОЛОС ОБЕЗЬЯНЫ: Ну и дурак же ты, тигр! Испугался козленка! Он же меньше тебя в десять раз!

ТИГР: Ты в этом уверена?

ГОЛОС ОБЕЗЬЯНЫ: Походи и проверь сам.

ТИГР возвращается.

КОЗЛЕНОК: А! Хорошо, что ты вернулся! Мне как раз не хватает еще одного тигра. Одного я уже убил. Самого съел, а голову бросил в воду.

ТИГР: Э-э-это правда?

КОЗЛЕНОК: Погляди в реку, если не веришь.

ТИГР глядит в воду и бросается бежать.

ТИГР: Ужас! Голова тигра в воде! Я не хочу, чтобы и меня съел козленок.

Навстречу ТИГРУ идет ОБЕЗЬЯНА.

ОБЕЗЬЯНА: Ну и дурак же ты, тигр. Неужели ты ничего не соображаешь. Знаешь, что ты увидел в воде?

ТИГР: Голову убитого тигра!

ОБЕЗЬЯНА: Дурак! Это всего-навсего твое собственное отражение.

ТИГР: Ты в этом уверена?

ОБЕЗЬЯНА: Ну, если ты так трусишь, я сама отправлюсь с тобой. А чтобы ты знал, что я тебя не брошу в случае опасности, я свяжу вместе наши хвосты.

ОБЕЗЬЯНА, сидя на ТИГРЕ, едет к пастбищу БУЙВОЛА. Хвосты их связаны.

КОЗЛЕНОК: Эй, обезьяна! Здравствуй! Ты хорошо сделала, что привязала тигра к своему хвосту. Теперь он не убежит. Только почему ты ведешь только одного тигра? Разве я тебе не приказал приводить каждый раз по два тигра? Одного мне мало на обед! Ты же сама знаешь. Впрочем, тащи сюда этого. Пока ты бегаешь за вторым, я сварю из него похлебку!

ТИГР: Отпусти! Я не хочу! Ой!

ТИГР с ОБЕЗЬЯНОЙ на спине убегает.

ГОЛОС ОБЕЗЬЯНЫ: Клянусь, козленок не приказывал мне приводить по два тигра! Он опять тебя обманул! Я вообще с ним не разговариваю! Я его терпеть не могу за то, что он такой смелый и за то, что он всем помогает! Остановись! Мой хвост! Ой!

КОЗЛЕНОК: Больше тигр сюда не возвращается.

БУЙВОЛ: А у некоторых обезьян в наших лесах с тех пор нет хвостов.

КОЗЛЕНОК: Главным образом у тех, которые любят от нечего делать сорить других зверей между собой.

БУЙВОЛ: Эти обезьяны никогда не спускаются с деревьев на землю.

КОЗЛЕНОК: Дело в том, что тигр, придя в себя от страха, поклялся стать врагом обезьян.

БУЙВОЛ: И другие животные их тоже не любят.

КОЗЛЕНОК: Потому что все в наших джунглях знают историю про буйвола...

БУЙВОЛ: Тигра...

КОЗЛЕНОК: Обезьяну...

БУЙВОЛ: И смелого козленка.

Для театра «Уголька» пересказал Вл. Уфлянд

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Сегодня — второй тур чемпионата. Кому он принесет очки? Кому только огорчения? Все в ваших руках, рыцари!

Шахматисты, вам предстоит попыть над задачами-близнецами:

А. Белые: Кра7, Фh3, Ld1; черные: Крс8, Ld8, пп. с7, d7.

Б. Белые: Кра7, Фh2, Ld1; черные: Крс8, Ld8, пп. с7, d7.

Шашкисты, вам придется изворачиваться в поисках выигрыша в концовках ленинградского композитора Н. Митрофанова:

А. Белые: е3, f4, f6, g3, g5, h2; черные: b2, b4, b6, c3, d6, f8.

Б. Белые: е1, е3, f2, g3, h2, h4; черные: b2, c3, е5, е7, g7, h6.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Ты уже знаешь, как ходят шахматные фигуры, знаешь, что такое шах, мат, пат? Приступай к сражениям!

Приказываю: сыграть 25 партий и доложить о счете.

Еще приказываю: даже проиграв все 25 раз, не вешать нос и помнить, что за битого двух небитых дают.

И еще приказываю: произвести разведку и доложить, кто выиграет в положении — белые: Крг4, Фе5, п. h7; черные: Крf7, Фе8, Лf8, Кg8. Ход белых.

КНИГА ЖАЛОБ

«В нашем классе есть Боря Сумкин. Когда он играет в шашки и проигрывает партию, то никогда не сдается, как полагаются, а просто смешает все шашки да еще и хвастается: «Вот была бы у меня тоже одна добавочная шашка, я бы тут тебе показал!» С ним из-за этого и играть-то никто не хочет».

Резолюция шахмат-капитана Пешкова:

1. Жалоба основательная — Сумкин неправ!

2. Всем рыцарям предлагаю: в каждой из трех партий Сумкина (он в них играл черными) добавить ему еще одну шашку, но поставить ее так, чтобы позиция из ничейной превратилась в проигрышную для... Сумкина!

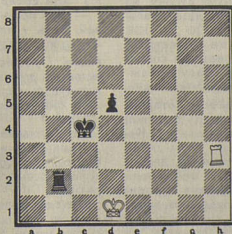
Белые: простая h6; черные: простая с5.

Белые: дамки b8, h6; черные: дамка a3.

Белые: простые b4, d4; черные: простая h2.

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Заходите, рыцари! Здесь вас угостят старинным блюдом — ладейным эндишпилем, приготовленным по рецепту Филидора, знаменитого французского шахматиста восемнадцатого века. Блюдо это часто встречается в игре и обладает удивительным вкусовым свойством: если оно незнакомо, то кажется кислым-прекислым, но стоит его изучить — оно становится сладким, как мед. Отдавайте это блюдо вместе с пояснениями!

Черные хотят провести пешку в ферзи... Спасусе ли белые? Спасут-

ся! Так как их король успел стать на пути пешки — занял поле d1.

Как же белым следует играть? Они должны держать свою ладью на третьей линии, не допуская на нее черного короля. При этом надо зорко следить за пешкой: как только та ступит на третью линию, ладья белых обязана немедленно отправиться вверх и оттуда шаховать.

1. Лg3 d4 (бесполезно и 1... Лb3, так как размен ладьями ведет к ничьей — 2. Л:b3 Кр:b3 3. Крd2 Крс4 4. Крс2!, занимая оппозицию, после чего пешку не провести).

2. Лh3 Лg2 3. Лf3 d3

Что нужно белым делать, когда пешка достигает третьей линии? Переворачивать ладью вверх!

4. Лf8! Крс3 5. Лс8+ Крb4 6. Лb8+ Крс5 7. Лс8+ Крb6 8. Лd8 Лg3 9. Крd2, и пешка гибнет. Ничья.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всех тех, кто уже просил о приеме, всех тех, кто сейчас просит о приеме, всех тех, кто еще будет просить о приеме, — зачислить в боевые ряды славной Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток и в честь доблестного пополнения провозгласить ТРИЗДЫ СЛЮТЮ!!!

§ 2. Соискателям титула чемпиона АРЧЕБЕКА, а также рыцарям — рапортовать об успехах или неуспехах до 1 апреля.

§ 3. В верхнем левом углу конверта помечать — «АРЧЕБЕК», писать свой пароль и номер приказа. Два рапорта сразу не принимаются.

§ 4. Итоги Олимпийского турнира (1972 год) опубликовать в «Костре» № 4.

*Шахмат-адмирал Ферзевбри
Рисунки Г. Ясинского*

ОГОВОРИЛСЯ ЛИ БОБРОВ?

СУДИТЕ САМИ

Когда-то эту игру называли «канадским хоккеем», и справедливо называли. Эту замечательную страну на спортивной карте открыли и разведали канадцы. Большое им за это спасибо!

Теперь никакого «канадского хоккея» не существует. Есть хоккей с шайбой, игра, в которую советские спортсмены научились так хорошо играть, что среди победителей ими не раз бывали и сами «родоначальники».

Но помимо любительского хоккея с шайбой, которым в Канаде, как и у нас, занимаются студенты, рабочие, служащие, есть еще хоккей профессиональный. В Канаде и США миллионы любителей хоккея. Этим пользуются предприимчивые дельцы. За огромные деньги они нанимают лучших из лучших игроков, и эти игроки в беспощадных битвах бьются за свои высокие гонорары и за доходы своих хозяев. Профессионалы не делают свое время между спортом и основными занятиями. Спорт — их основное занятие. Из месяца в месяц, из года в год — только матчи и тренировки. Здоровенные парни из профессиональных команд считали, что не зря

В канун учебного года, в тот самый день, когда ты складывал в портфель новые учебники и тетради, советские хоккеисты вылетели в Канаду. На аэродроме старший тренер Всеволод Бобров заканчивал беседу с журналистами:

— Я думаю, канадцам будет чему у нас поучиться.

Признаюсь, сначала мне показалось, что тренер оговорился. Тем более, что перед встречей с любым новым противником тренеры обычно осторожничают, даже порой излишне. Ведь в случае неудачной игры тебя уже не будут обвинять в хвастовстве и саморекламе... Но Бобров сказал то, что он сказал.

И вот серия из восьми матчей сборной команды СССР и сборной канадских профессионалов закончена. В последний раз прозвучала сирена. Помните, за 24 секунды до этого момента канадцы забили решающий гол в ворота Третьяка? Я выхожу в шумный коридор Дворца спорта и вспоминаю свое мимолетное сомнение. И хотя сегодня перевес на стороне соперников, я понимаю, как прав был Бобров.

получают свои доллары. Они заявляли, что могут выиграть с двузачным счетом у любой любительской команды мира.

Было необыкновенно приятно всем нам видеть, как в первом же матче наши посбивали с канадцев спесь. Когда в финале на телевизионном экране возник счет 7:3, мой сосед сказал:

— Да, профессионалы у них играют лучше любителей. Ведь у любителей мы первую игру выиграли 7:2.

Это было смешное замечание, но не совсем справедливое. Профессионалы доказали, что они играют значительно лучше любителей своей страны. В первой встрече они стали жертвами своего самонадеяния. В Москве они доказали, что играют не слабее нашей команды.

Но не смогли доказать, что сильнее!

Итак, 32:31 в нашу пользу. Это по шайбам. А не было бы той последней, забитой канадцами за 24 секунды до конца восьмого матча, и по числу побед счет был бы равным.

Вот как плохо быть самоуверенным! А ведь Бобров знал не больше того, что знали его канадские коллеги. И они могли бы вспомнить заранее, что в их «сборной звезд» играют Род Сейлинг, Брайан Гленин, Гордон Беренсон, которым в составе любительских команд уже

доводилось терпеть поражение от русских в прошлые годы. Почти в нынешнем составе наша сборная несколько лет тому назад разгромила в пух и прах любительскую сборную Канады, а та, в свою очередь, готовясь к встречам с нами, обыгрывала отдельные профессиональные клубы.

Могли бы вспомнить канадцы и предостережения известного тренера патера Бауэра (помните, тренер-священник!), что русская сборная невиданно сильна и смело могла бы бороться за кубок Стенли (так называется неофициальное первенство мира, которое разыгрывается между профессионалами).

Бровов тогда на аэродроме помнил обо всем этом, когда говорил: «Канадцам будет чему у нас поучиться».

НАУКА ВПРОК

И они стали учиться. И надо сказать, быстро и толково. В Москве они стали играть ближе к нашему стилю: более комбинационно, коллективно; на тренировках, как сами они заявляли, стали по примеру русских больше уделять внимания физической подготовке.

В пресс-центре в Лужниках я познакомился с веселым и напористым, как хоккеист, журналистом из Канады Диком Бедоксом. В свое время он поклялся съесть газету со своей статьей, если русские выиграют хотя бы одну встречу. И после первой же игры, накрав газету в тарелку с борщом, уплетал ее под смех толпы читателей.

Но и в Москве Дик не успокоился. Правда, стал намного осторожнее в своих предсказаниях. Новую статью он обязался съесть, если русские выиграют все четыре матча. В результате он ел борщ без газеты, похваливал повара за мастерство, а наших хоккеистов за науку.

КАНАДЦЫ НА МОСКОВСКОМ ЛЬДУ

Лед белоснежный — для красоты в него добавляют снятое молоко.

В воротах канадцев двухметровый гигант Кен Драйден. Подобно тому, как его соотечественник Зверобой из романа Фенимора Купера опирался на свое ружье, Кен обеими руками и подбородком опирается на огромную вратарскую клюшку. Он спокоен. А вот его длинноволосые товарищи по команде неистовствуют чуть ли не после каждого свистка судьи.

Беда, конечно, не в длинных волосах. Беда в отсутствии у тех, кто привык играть за деньги, спортивного благородства. Многие профес-

сионалы на льду жестоки, даже беспощадны. Одна из причин наших последних проигрышей, по-моему, в том, что наши, не привыкшие к такой игре, просто боялись попасть в больницу после удара клюшкой по лицу. Трудно осуждать за это наших ребят. Они спортсмены, им противно неспортивное поведение на площадке. Плохо другое. Порой растерявшись, они не отвечали канадцам тем, чем должны были отвечать, — не шли вперед, несмотря ни на что, даже на удары.

Ведь когда-то такой же грубостью пытались напугать нас и канадские любители. Но тогда они быстро раскусили, что каждое удаление оборачивается для них пропущенной шайбой. Вот это и есть подлинно спортивный ответ на грубость!

Да, в Москве канадцы показали все самое лучшее, что было в их арсенале. И все самое худшее.

РАЗГОВОР С ЖАНОМ БЕЛИВО

Жан Беливо занимает четвертое место в списке великих хоккеистов за сто лет канадского хоккея. Сейчас он популярный комментатор. Он говорит:

— Мифа о неоспоримом превосходстве профессионалов больше нет. Ваш хоккей превосходен. Но на него оказали влияние и наши команды. Например, «Трейл смук интес» или «Уитби данлос», в которой, кстати, играл нынешний тренер профессиональной сборной Гарри Синден. Но, знаете, они научили вас играть в несколько, на мой взгляд, устаревший хоккей, комбинационный. Профессионалы теперь так не играют. Правда, — добавляет Беливо, — вы вдохнули в комбинационный хоккей новую жизнь, обогатили его новыми сложными приемами...

— И забили на одну шайбу больше, чем вы, — вставил я. — Ваши профессионалы создали оригинальный стиль. Но когда мы немного подучимся у них игре на пяточке, силовому единоборству, культуре паса, тогда еще посмотрим, кто кого!

— Что ж, — смеется Беливо, — от этого вы играет только хоккей, запишите это слово большими буквами, просто ХОККЕЙ, который я люблю даже больше, чем хоккей профессиональный.

Леонид Виноградов

КАК

СНАРЯЖАЮТ

ХОККЕИСТОВ

Несколько веков назад, когда рыцари-крестоносцы сажались на мохнатых битогов, их щиты и латы, шлемы и тяжелые мечи громыхали, как кастроли...

Сражение на ледяном поле. С огромной скоростью пересекают его игроки. С пушечным треском опускаются клюшки на лед. Шайба — маленький снаряд — летит со свистом к воротам противника. То и дело кто-то из игроков с разгону врежется в дощатый борт, увешанный рекламными щитами. Знайте, хоккейная шайба, посланная умелой и крепкой рукой, пробивает дюймовую доску. И еще, как ни техничен спортсмен, но в острый момент он может промахнуться и стукнуть кого-то клюшкой по ногам. Нечаянно, но очень больно. А ведь в спорте нет врагов...

Трусливым, дряблым людишкам не место на ледяном поле. Их удел (в лучшем случае) — настоящий хоккей.

Настоящие мужчины смело выходят на лед. Но при этом, уж вы не беспокойтесь, экипированы и вооружены они не хуже средневековых рыцарей.

У воина — меч, у хоккеиста — клюшка. Она должна быть легкой, прочной, жесткой. Игрок класса «А» не возьмет в руки клюшку, если она весит больше 700 граммов. Нижняя, главная часть ее называется «крюк». В последние годы его стали делать слегка изогнутым, как острый лыжи. И шайба точнее полетела в цель.

Казалось бы, взял доску от забора, обстрогал, вот тебе и клюшка. Чепуха! Те, которыми играют мастера, делаются из бука и ясеня, а эти деревья под Москвой не годятся. Их везут на Московскую фабрику из Закарпатья и с Северного Кавказа. Да еще и выпилить заготовку нужно так, чтобы волокна древесины, слои, располагались строго вдоль, иначе клюшка разлетится пополам при первом же ударе.

Чтобы этой легкой, прочной и жесткой клюшкой не досталось по ногам, у спортсмена должна быть надежно защищена голень, очень, как вы знаете, чувствительное место от колена до ступни. Для этого хоккеисты надевают войлочные щитки, покрытые кожей с тремя твердыми полистиленовыми бляхами снаружи.

Хоккейные трусы совсем непохожи на те, в которых мы купаемся и загораем. Это прочный защитный пояс из паралона, обшитый жесткой тка-

нью. Сядешь с размаху на лед — встал как ни в чем не бывало.

Важная часть хоккейных доспехов — наплечники. Делаются они из плотного и легкого войлока под названием «пушель». А войлок этот, в свою очередь, делают из шерсти, и не какой-нибудь, а оленьей, ее привозят с Дальнего Севера, ведь она в два с половиной раза легче и плотнее конского волоса, например. Снаружи наплечники покрыты кожей и еще на всякий случай к ним приделаны полистиленовые крепкие чашки. Врезался в борт, оттолкнулся плечом, и мчись себе дальше.

Есть еще и прочные налокотники у игроков, ведь они то и дело падают (скользко!), а каждый знает, что это такое — треснуться локтем об лед.

Перчатки у хоккеистов больше и жестче боксерских. Ведь бьют по ним не кулаками, а клюшками. Они из грубой кожи, подбиты конским волосом. Самым лучшим игрокам достаются перчатки из кожи лоса, они эластичнее, мягче.

У вратаря доспехи особенные. Тут все по-другому, массивнее и прочнее. Ведь недаром наш знаменитый голкипер В. Коноваленко говорил: «Ну и работа у нас, ты стоишь, как мишень, а в тебя два часа швыряют булыжниками!»

У вратаря — специальная куртка, тяжелая и прочная, как танковая броня. Она из кожи, подбитой оленьей шерстью, а рукава (не удивляйтесь!) разные, один толще, другой тоньше. В правой руке он держит клюшку, а левой отбивает или ловит шайбу, несущуюся со скоростью торпеды.

Куртка у вратаря толстая, неуклюжая, и поэтому рукава подвешены к ней на резинках, а не пришиты, как, например, у наших пиджаков. Это для того, чтобы можно было свободно и резко двигаться.

Перчатки у вратаря тоже разные. На левой — пальцы шнурками притянуты друг к другу лодочкой, получается своеобразная ловушка, ковшик. А на той перчатке, где у вратаря клюшка, — плотный кожаный заслон вдоль локтя.

Между прочим, клюшка у вратаря тоже особенная, она тяжелее и шире, ведь размахивать ею особенно не приходится.

Многие считают, что хоккейные доспехи в Канаде и в Швеции делают лучше, чем у нас в Москве. С этим можно спорить. Да, у канадцев и щитки, и наплечники, и перчатки легче наших и, может быть, изящнее по виду. Зато наши надежнее, прочнее. Хоккеисты сборной СССР часто приходят на фабрику спортивных изделий. И вот что говорят: «В ваших перчатках — ни ушибов, ни вывихов, ни травм».

Для канадцев главное выиграть, любой ценой, во что бы то ни стало. Но ведь если победитель уходит с поля, хромя, ворча, потирая ушибленный локоть, все это омрачает радость победы.

Сергей Довлатов

Читателям нашего журнала хорошо знакомы нарядные и остроумные рисунки художника А. Януса, но, наверное, никто из вас не знает, что А. Янус — псевдоним двух художников: Льва Московского и Константина Севастьянова.

РАБОТЫ
КОНСТАНТИНА
СЕВАСТЬЯНОВА
СЕГОДНЯ
НА
ВЫСТАВКЕ
„КОСТРА“

Сложное искусство силуэта возникло еще в древнем Китае. Силуэты фигур (черные на красном фоне и красные — на черном) украшали росписи ваз в Древней Греции.

1

Но особый расцвет искусства силуэта начался во Франции в XVIII веке (само название «силуэт» произошло от фамилии королевского контролера над финансами Этьена Силуэта, увлекавшегося на досуге вырезанием из черной бумаги фигурок) и быстро распространился по всей Европе и в России.

Искусство силуэта требует от художника особого мастерства: выразительность контура, очень тщательный отбор деталей, ясность и четкость композиции.

Ведь художник, вырезая силуэт из черной бумаги или рисуя его тушью, используя только два цвета, белый и черный, должен дать толчок вашей фантазии, заставить вас почувствовать и форму, и объем, и даже цвет предметов.

Изысканные и выразительные силуэты Константина Севастьянова, которые вы видите на этой странице, посвящены детству Александра Сергеевича Пушкина.

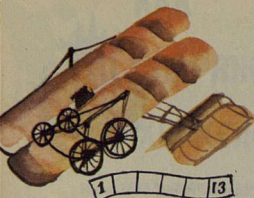
- 1 Царскосельский парк. Каток
- 2 Пушкин в лицее
- 3 Литературный вечер у Льва Васильевича Пушкина (дяди поэта)

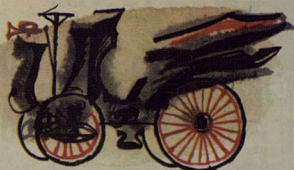
2

3

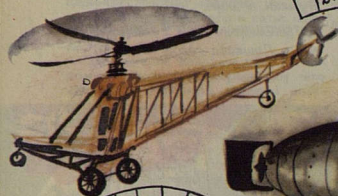
1 13

20 2 26 12

3 4

7 6 5

8 9

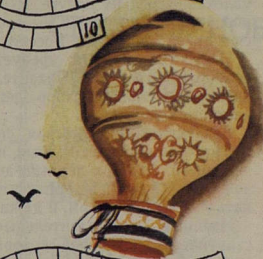
24 15 10

16 11 17 23 14 18 19

22

21 25

ОТ МОНГОЛЬБЕРА ДО ГЕЛИКОПТЕРА

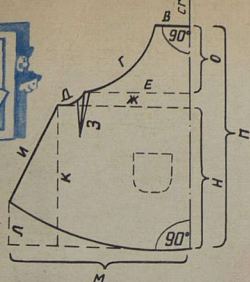
Знаете ли вы, что такое: ПИРОСКАФ, СУХОПУТ-
НЫЙ ПАРОХОД, БИПЛАН, ГЕЛИКОПТЕР, МОТОР-
НЫЙ ЭКИПАЖ, МОНГОЛЬБЕР, ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ

Рисунки А. Аземши
и А. Харшака

КОНКА, СУБМАРИНА? Конечно, знаете. Только, на-
верное, под другими названиями. Вот они перед вами на
картинке. Если вы по ним названия машин
рядком пронумерован-
рукторов всех времен

СОДЕРЖАНИЕ

Евдокимовым репортаж С. Рубанова оформление В. Топкова	1	Как пишутся книжки очерк Г. Горюшина	26	Зеленый Песок	48
Морская дорога стихи Б. Слуцкого рисунки В. Топкова	4	Буря рассказ А. Крестинского рисунки М. Майфиса	28	Экспресс Поезд	50
Славная Мойка—священный Байкал повесть М. Галики рисунки В. Бескаравайного	5	Мастер рассказывает В. Лавров	32	Экспресс Поезд	51
Стихи А. Белевича рисунки Т. Соловьевой	19	Рассказы о тракторе „Кировец“ главы из книги В. Арро	34	Экспресс Поезд	52
Он остановил солнце очерк В. Орлова рисунки польских детей	20	Последний день прекрасного лета рассказ О. Тихомирова рисунки П. Швеца	37	Вот Уго	54
Записки партизана из дневника В. Иванова рисунки А. Гетманского	22	Суслян рассказ Э. Хакимова рисунки Н. Чарушина	45	Арч Спо	56
		Библиотека КОСТИ ТЕРкина	47		57
					59
					60

ФАРТУК НА ВСЕ РАЗМЕРЫ

Прежде чем приниматься за работу по хозяйству, надо надеть фартук. Фартук вы можете сшить сами по своему росту. Выкройку начертите по этому эскизу чертежа, а размеры определите по формулам, округляя результаты до целых сантиметров.

А = окружности вашей груди в сантиметрах (определяется портновским метром под мышками). Б = вашему росту в сантиметрах.

$$\begin{aligned} B &= \frac{A}{10} + 2 \text{ см} & G &= \frac{A-3 \text{ см}}{3} & D &= \frac{A}{7} & E &= \frac{A}{4} + 4 \text{ см} & Ж &= \frac{A-8 \text{ см}}{2} & З &= \frac{A}{11} \\ И &= \frac{B-12 \text{ см}}{4} & K &= H = \frac{B+20 \text{ см}}{4} & Л &= \frac{B}{15} & M &= A-3 \text{ см} & O &= \frac{B-12 \text{ см}}{7} \\ П &= \frac{B-20 \text{ см}}{2} \end{aligned}$$

Тесемки для завязок сверху и на поясе пришиваются длиной 40—50 см. Карманы кроются квадратными, размером 15—20 см, в зависимости от роста. Не забудьте прибавить допуск на швы!

Кстати, все ли знают свой размер одежды? Справьтесь по таблице.

Рост в см	126—131	132—137	138—143
Окружность груди в см	63—66	66—70	70—74
Размер	32	34	36

Рост в см	144—149	150—155	больше 156
Окружность груди в см	74—78	78—82	82—86
Размер	38	40	42 86—90 44

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ № 1

1. Всего в звене 10 ребят. Второй снимок сделан позже.
2. Ни одной. В 1973 году ребята еще не украшали елок.
3. А в 1972 году они повесили на елку 85 игрушек.
3. Кроссворд. По вертикали: 1. Труппа. 2. Тренер. 3. Сек-

- рет. 5. Пропеллер. 6. Рисование. 8. Ребус. 9. София. 13. Катаев. 15. Ереван. 16. Сибирь. По горизонтали: 4. Траулер. 7. Транспортёр. 10. Леопард. 11. Утконос. 12. Бурлаки. 14. Негатив. 17. Местоимение. 18. Пеликан.

НАОБОРОТ

Молодой художник пожаловался старому Беклину — швейцарскому живописцу и скульптору, что его картины не имеют спроса:

Рисунки
М. Беломлинского

— Рисуя я картину два-три дня, — недоумевал он, — а чтобы продать ее, необходимо два-три года.

— А вы попробуйте наоборот, — потренировал Беклин по плечу незадачливого коллегу. — Рисуите картину два-три года, и тогда наверняка продадите ее за два-три дня.

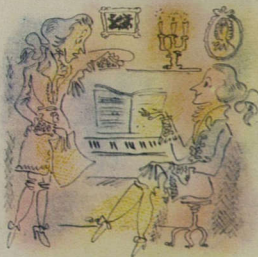
КАК ПИСАТЬ СИМФОНИИ

Один юноша спросил у Моцарта, как писать симфонии.

— Вы еще молоды, — сказал Моцарт. — Почему бы вам не начать с балла?

— Но ведь вы-то сами начали писать симфонии, когда вам было всего десять лет.

— Да, — улыбнулся Моцарт, — но я никого не спрашивал, как их надо писать.

Зам. главного редактора Ю. А. Юркан

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтулов, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Подогин, С. В. Сахаров, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), В. В. Торпыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
М. С. Беломлинский

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатумова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: 193015, Ленинград.

Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-17959, Подписано к печати 28/XII 1972 г. Формат 60х90/4. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ № 3440. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ВОТ ОНО ОНАРЯЖЕНИЕ ХОККЕИСТОВ

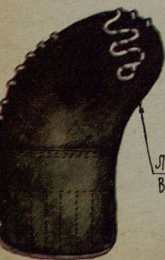

перчатка вратаря/левая/

перчатка вратаря/правая-
внутренняя сторона/

защитный щиток
вратаря

защитный пояс
хоккеиста

ловушка
внутри

